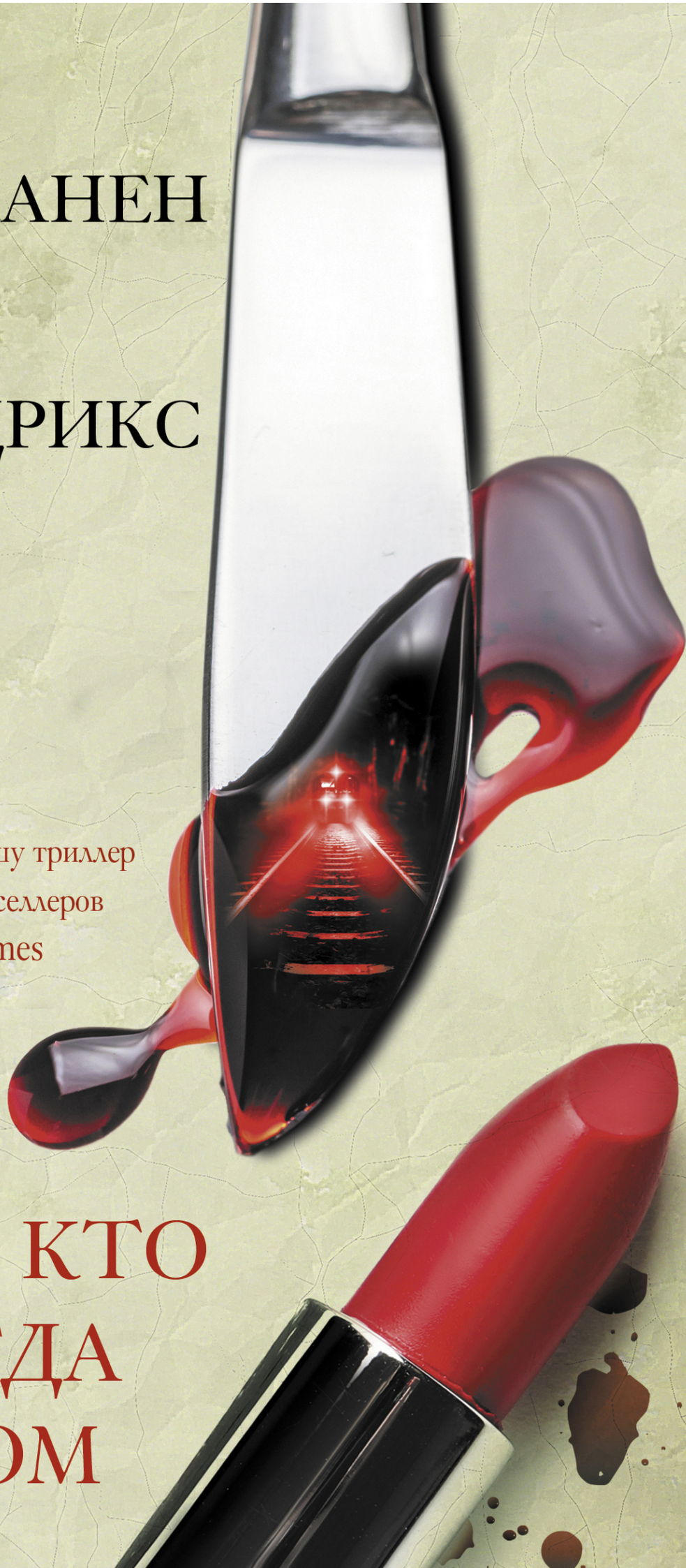

САРА
ПЕККАНЕН

ГРИР
ХЕНДРИКС

Леденящий душу триллер
от авторов бестселлеров
New York Times

ТОТ, КТО
ВСЕГДА
РЯДОМ

Идеальный триллер

Сара Пекканен

Тот, кто всегда рядом

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пекканен С.

Тот, кто всегда рядом / С. Пекканен — «Издательство АСТ»,
2020 — (Идеальный триллер)

ISBN 978-5-17-127478-8

Шэй Миллер хочет найти любовь – и каждый раз терпит неудачу. Хочет реализовать себя, но в ее работе нет перспектив. Хочет найти свое место в жизни, но всегда оказывается на ее задворках... до тех пор, пока не встречает сестер Мур. Кассандра и Джейн живут идеальной жизнью, именно такой, о какой мечтает Шэй. И стоит им пригласить девушку в свою компанию, все как будто бы налаживается. Шэй так сильно желает понравиться сестрам, что готова отдать за это жизнь. И, похоже ей, действительно придется это сделать. Потому что сестры Мур всегда получают то, что хотят.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127478-8

© Пекканен С., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	23
Глава 9	27
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	39
Глава 14	43
Глава 15	47
Глава 16	51
Глава 17	54
Глава 18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сара Пекканен, Грир Хендрикс

Тот, кто всегда рядом

От Грир:

*Посвящается Роберту, который всегда воодушевляет меня
пробивать стены*

От Сары:

Посвящается Бену, Тамми и Билли

Часть 1

Глава 1

Шэй

Числа никогда не врут. Статистика, графики, проценты – в них нет скрытых смыслов или полутонов. Они безупречны и правдивы. Пока люди не начинают в них вмешиваться, перекручивать их и подгонять. Лишь тогда они начинают лгать.

Книга Данных, страница 1

На журнальном столике стоят два бокала – свидетельство романтического вечера. Убираю их прочь и смываю рубиновый осадок со дна. Свежесваренный кофе наполняет кухню ароматом зерен темной обжарки, к которым Шон приучил меня, когда я переехала в его квартиру на Марри-Хилл восемнадцать месяцев назад.

Поворачиваю голову, услышав в замке скрежет ключа, и спустя мгновение заходит он и сбрасывает шлепки. Он что-то напевает – как всегда, когда счастлив. В последнее время он напевает постоянно.

– Привет, – здороваюсь я, когда он опускает на пол пакет из супермаркета органических продуктов, откуда выглядывает букет пурпурных тюльпанов. – Ты сегодня рано.

Его густые рыжеватые волосы немного растрепаны на затылке, и я пересиливаю желание протянуть руку и запустить в них пальцы.

– Решил закупиться к завтраку. – Он достает яйца, круассаны и клубнику.

Я тянусь к кофейнику, и тут дверь спальни Шона открывается.

Он поспешно хватается за тюльпаны, когда на кухню заходит его девушка, Джоди.

– Доброе утро, – здоровается она, потягиваясь. На ней трусы Шона, почти полностью спрятанные под одной из его огромных толстовок. Кудрявые волосы собраны в высокий хвост, а ногти на ногах покрашены в ярко-розовый.

Шон дарит ей тюльпаны – и поцелуй. Я поспешно отворачиваюсь, открываю холодильник и наливаю себе в дорожную кружку миндальное молоко.

– Приятного аппетита, – говорю я. – Пойду, надо кое-что сделать.

– В воскресенье? – Джоди морщит свой дерзкий маленький носик.

– Хочу подправить резюме. У меня завтра собеседование.

Беру сумку с ноутбуком со скамьи возле входной двери. Под скамьей возле шлепок Шона лежат босоножки Джоди. Большим пальцем ноги раздвигаю их обувь.

Сбегаю по лестничному пролету и выхожу на улицу, где уже стоит душное августовское утро.

И, лишь дойдя до угла, я понимаю, что оставила кружку на столешнице. Принимаю решение побаловать себя холодным латте, вместо того чтобы возвращаться в квартиру. В последнее время я стараюсь появляться там как можно реже.

Потому что цифры никогда не лгут. А два плюс один равняется... Слишком много.

Открываю тяжелую стеклянную дверь «Старбакса». Заведение набито до отказа. Неудивительно: семьдесят восемь процентов взрослых американцев пьют кофе каждый день, при этом женщин среди них немного больше, чем мужчин. А Нью-Йорк находится на четвертом месте по потреблению кофе в стране.

Ничего не могу поделать: я часто смотрю на мир сквозь призму статистики. И не только потому, что я исследователь рынка и занимаюсь анализом данных, чтобы помочь компаниям

принимать решения насчет продаваемой ими продукции. Я такая с самого детства. Начала вести книги данных еще в одиннадцать лет – подобно как другие дети вели дневники.

Ого, с прошлого раза ты набрала больше пяти килограммов, – удивилась моя педиатр, когда летом перед началом занятий в средней школе я зашла к ней сдать анализ на стрептококк.

Шэй, ты самая высокая – можешь встать в заднем ряду? – попросил меня учитель, когда мы делали общую фотографию в пятом классе.

Никто из них не имел ввиду ничего плохого, но из-за этих и ряда других комментариев, которые я часто слышала в свой адрес, я поняла – цифры влияют на то, как нас воспринимают окружающие.

Я вела учет собственного роста, веса и количества голов, забитых мною на каждом футбольном матче. А еще собирала и другие данные, например, достоинства монет в моей копилке, количество прочитанных в каждом месяце библиотечных книг, результаты голосования в «Американском идоле» и сколько золотых, серебряных и бронзовых медалей выиграла Соединенные Штаты на Олимпиаде. Сейчас я почти научилась принимать собственное тело – сосредоточилась на своем здоровье и физической силе, и теперь вместо показаний весов я записываю, сколько времени занимают мои десятикилометровые пробежки и сколько я могу поднять килограммов.

Осматриваю кофейню. Одна посетительница склонилась над ноутбуком и что-то сосредоточенно печатает. Парочка сидит, прижавшись друг к другу: она закинула на его ногу свою, и у них на коленях разложена газета «Нью-Йорк таймс». Отец с маленьким мальчиком в одинаковых кепках с логотипом команды «Янкиз» ждут у стойки заказа.

Кажется, в последнее время статистика работает против меня: мне тридцать один, и я ни с кем не встречаюсь. Месяц назад, когда босс вызвал меня к себе в кабинет, я рассчитывала на повышение. Но вместо этого он сообщил, что я уволена. Моя жизнь словно медленно пошла по наклонной.

И я изо всех сил пытаюсь развернуться в обратную сторону.

Во-первых, найти работу. Потом, возможно, зарегистрироваться на сайте знакомств. В моей жизни образовалась прореха, которую раньше заполнял Шон. Пока он не встретил Джоди, мы по меньшей мере раз в неделю заказывали китайскую еду и запоем смотрели «Нетфликс». Он постоянно теряет ключи; по интонации, с которой он произносит: «Шэй?» – я сразу понимаю, что ему нужна помощь с поисками. Он поливает цветок, который мы называли Фредом, а я забираю почту.

Шон – первый, кто мне действительно понравился с тех пор, как я рассталась с парнем из колледжа. Я начала влюбляться в него несколько месяцев назад. И думала, он чувствует то же самое.

Бариста ставит мой латте на стойку, я забираю его и направляюсь к двери.

Уже в начале десятого утра жара становится удушливой и тяжелой; она опутывает меня, пока я иду к станции метро на 33-й улице. Когда я чувствую, как волосы прилипают к шее, то останавливаюсь, чтобы достать из сумки резинку и завязать их в хвост.

Это простое действие стоит мне двадцати двух секунд.

Спустившись по грязным ступеням в тоннель, я вижу, как уезжает пропущенный мною поезд. Несколько человек, вышедшие на этой станции, поднимаются по противоположной лестнице. Оказавшись на платформе, чувствую ветерок от ушедшего поезда. Флуоресцентный свет надо мной мигает, из переполненной урны выпадает мусор. На платформе лишь еще один человек, метрах в десяти от меня.

Почему он не сел на уехавший поезд?

Если тебе от кого-то не по себе, обычно на это есть серьезная причина. Мужчина с козлиной бородкой и рюкзаком на пустынной платформе метро в воскресенье утром не может стать достаточной причиной для того, чтобы мой пульс участился.

Но то, как он на меня смотрит, – может.

Наблюдаю за ним краем глаза, опасаясь любых резких движений, пока мозг лихорадочно соображает. Лестница прямо за мной. Если он захочет мне навредить, возможно, я успею убежать. Но могу застрять на турникете.

Других путей к бегству я не вижу.

Мужчина делает медленный, осторожный шаг в мою сторону.

Я осматриваюсь, надеясь, что появится кто-нибудь еще.

И вижу, что вообще-то мы не одни. Девушка в зеленом платье в белый горошек стоит на платформе поодаль, с другой стороны от мужчины. Она наполовину скрыта в тени большой колонны.

Двигаюсь в ее сторону, наблюдая боковым зрением за мужчиной. Но он лишь продолжает идти в сторону лестницы и, поднявшись по ней, исчезает. Я ругаю себя за паникерство – возможно, он просто перепутал направление и спустился не на ту платформу, я и сама так ошибалась. Видимо, все это время он смотрел на выход, а не на меня.

Медленно выдыхаю и смотрю на светодиодный дисплей с сияющей зеленой надписью. Следующий поезд придет через пару минут. На платформе появляются еще несколько человек.

Слышу отдаленный грохот колес приближающегося поезда – знакомые звуки моей повседневности. Я чувствую себя в безопасности.

Девушка бросает на меня взгляд, и я замечаю, что мы с ней примерно одного роста – больше ста семидесяти пяти сантиметров – и возраста, но ее волосы короче и светлее, чем у меня. У нее приятное лицо; я бы спросила у такого человека дорогу, если бы потерялась.

Разрываю зрительный контакт и опускаю взгляд. Что-то блестит на сером бетоне платформы. Какое-то украшение. Сначала я принимаю его за браслет, но, подняв, вижу, что это золотая цепочка с кулоном в виде плавающего солнца.

Может, его обронила эта девушка. Хочу спросить ее, но в этот момент рев подходящего поезда становится громче.

Она подходит к краю платформы.

Меня охватывает тревога. *Слишком близко!*

И в этот момент я понимаю, что она не собирается никуда ехать.

Протягиваю руку в ее сторону и что-то кричу – «Нет!» или «Стой!» – но уже поздно.

Наши взгляды встречаются. Из тоннеля показывается поезд. И она прыгает.

На долю секунды она замирает в воздухе, подняв руки над головой, словно в танце.

Поезд пролетает мимо, полируя колесами рельсы с пронзительным высоким лязгом – самым громким, что я слышала в жизни.

Желудок сжимается, я наклоняюсь, и меня тошнит. Тело начинает дрожать в ответ на ужас, который отчаянно пытается осознать мой разум.

Кто-то кричит, снова и снова: «Звоните 911!».

Поезд останавливается. Я заставляю себя поднять взгляд. Нигде нет ни малейшего признака девушки.

Вот она существует, а секунду спустя ее уже нет. Пошатываясь, направляюсь к стене и падаю на скамейку.

Во время последующих событий – когда я даю свидетельские показания детективу полиции с бесстрастным лицом, когда меня выводят на улицу через оградительную ленту, когда я иду через семь кварталов домой – я по-прежнему вижу глаза девушки прямо перед прыжком. В них не было ни отчаяния, ни страха, ни решимости.

Они были пусты.

Глава 2

Кассандра & Джейн

Аманде Эвингер было двадцать девять. Одинокая. Бездетная. Она жила одна в квартире-студии на Марри-Хилл, неподалеку от станции «Гранд-Централ». Работала медсестрой в отделении экстренной помощи в Городском Госпитале – работа была настолько утомительной и напряженной, что это не позволило ей наладить тесные связи с коллегами.

Она казалась идеальной кандидатурой, пока не бросилась под поезд в метро.

Спустя два дня после гибели Аманды Кассандра и Джейн Мур сидят вместе на диване в квартире Кассандры, расположенной в Трайбеке, и смотрят в ноутбук.

Мебель в гостиной обита тканью светло-серых и кремовых оттенков, не считая нескольких ярких акцентов-подушек. Панорамные окна щедро дарят свет и открывают прекрасные виды на Гудзон.

Квартира ухожена и элегантна, как и находящиеся в ней девушки.

Кассандре тридцать два, она на два года старше Джейн. Сразу видно, что они – с длинными блестящими черными волосами, карими глазами с золотистыми крапинками и кремовой кожей – сестры. Но Кассандра вся состоит из упругих мышц, в то время как фигура Джейн мягче и более округлая, а голос у нее высокий и приятный.

Джейн хмурится, пока Кассандра пролистывает фотографии. У них есть только недавние снимки Аманды – за последние несколько месяцев: Аманда, скрестив ноги, сидит на покрывале для пикника в Проспект-парке; Аманда поднимает бокал с маргаритой за Джейн на ее дне рождения; Аманда пересекает финишную черту на благотворительном марафоне по спортивной ходьбе для поддержки исследований рака груди.

На большинстве фотографий ее окружают одни и те же шесть улыбающихся молодых женщин – компания, которую методично собрали сестры Мур. У них разные профессии и совершенно разное социальное происхождение, зато общие для них куда более важные, скрытые качества.

– Нам нужно, чтобы Аманда была одна, – говорит Джейн.

– Смотри-ка. – Кассандра открывает фото, где Аманда держит на руках трехцветную кошку, сидя в свете солнца, льющегося из окна.

Джейн наклоняется вперед и кивает.

– Отлично. Обрежь немного, и никто не поймет, где сделано фото.

Какое-то время сестры молча смотрят на фотографию. Всего несколько недель назад Аманда сидела здесь, удобно устроившись в сером кресле, стоящем рядом с диваном, – она всегда выбирала это место, когда приходила к ним в гости. Она сбросила обувь и вытянула свои длинные ноги над подлокотником, рассказывая о пожилой жертве нападения, чью жизнь она спасала на протяжении четырех часов. *Его дочь принесла сегодня кучу домашнего печенья и оставила нам такую милую открытку!* – рассказывала Аманда со свойственным ей оживлением. *Именно за такие моменты я люблю свою работу.*

Невозможно поверить не только в смерть Аманды, но и что она решила закончить свою жизнь столь немыслимо жестоким образом.

– Я такого совершенно не ожидала, – наконец признается Кассандра.

– Видимо, мы знали Аманду не настолько хорошо, как думали, – отвечает Джейн.

После самоубийства Аманды сестры лихорадочно ищут ответы на вопросы: Где она была в дни перед смертью? С кем говорила? Оставила ли какие-то улики – например, записку с объяснением?

Они сразу же обыскали ее квартиру, проникнув туда с помощью запасного ключа. Забрали ноутбук Аманды и попросили одну из девушек из их сплоченной компании, кон-

сультанта по операционной безопасности, его разблокировать. Она провела атаку по словарю, перебрав тысячи возможных вариантов, и в итоге ей удалось подобрать пароль. Затем сестры изучили контакты Аманды. К сожалению, ее телефон был уничтожен под поездом, и его исследовать было нельзя.

Через два часа ее дом был взят под наблюдение. Первую посетительницу, мать Аманды, которая приехала на поезде из Делавэра, пригласила на чай одна из скорбящих подруг Аманды. Никакой полезной информации от нее получить не удалось, хоть та и предпочла отправиться в бар и беседа продлилась больше двух часов, за которые она выпила четыре бокала шардоне.

Поминки, которые должны пройти в четверг вечером в частном клубе в Мидтауне, стали еще одной мерой предосторожности. По задумке Кассандры, церемонию следовало сделать светской, не религиозной. Тогда, скорее всего, придут все, кто имел отношение к Аманде.

Сестры, у которых теперь появился доступ к контактам подруги, пригласят всех, с кем она переписывалась в последние полгода.

Еще Кассандра и Джейн запланировали прикрепить распечатанные приглашения на входе в дом Аманды, в больнице, где она работала, и в раздевалке спортзала, куда она ходила.

На поминках будет гостевая книга, чтобы собрать имена скорбящих.

– Мы справимся, верно? – спрашивает у Кассандры Джейн. Обе сестры устали; у них под глазами фиолетовые круги, и Кассандра потеряла несколько килограммов, отчего ее скулы стали еще острее.

– Как всегда, – отвечает Кассандра.

– Пойду налью нам вина. – Джейн встает, сжимая при этом плечо Кассандры.

Кассандра благодарно кивает, вставляя фотографию Аманды в объявление о поминках. И перечитывает его в последний раз, хотя знает каждое слово наизусть.

«*Будет ли этого достаточно?*» – гадает она, отправляя его в печать.

Если Аманда за несколько дней до смерти рассказала кому-то – *кому угодно* – то, чего не следовало, придет ли этот человек на ее поминки?

Сестры долго обсуждали текст под фотографией улыбающейся Аманды, и в итоге остановились на простом сообщении: *Пожалуйста, приходите. Мы ждем всех.*

Глава 3

Шэй

Статистика Нью-Йоркского метро: более 5 миллионов пассажиров в день. Открыто круглосуточно. 472 станции – крупнейшее из всех. Седьмое в мире по загруженности. Более 665 миль путей. 43 суицида или попыток суицида в прошлом году.
Книга Данных, страница 4

Захожу в квартиру и осматриваюсь. Кажется невероятным, что я ушла всего два часа назад. Сиреневые тюльпаны стоят в кобальтовой вазе. Сковородка отмокает в раковине. Обуви Шона и Джоди под скамейкой нет.

Иду напрямиком в ванную и снимаю свою красную футболку и зеленые шорты. Стоя под струями горячей воды, я думаю только о ней. О ее приятном лице и прелестном платье в горошек. И пустом взгляде.

Интересно, когда ее хватятся. Когда муж вернется домой в темную квартиру? Когда она не появится на работе?

А может, она была не замужем. Может быть, у нее не было друзей среди коллег. Тогда, возможно, ее отсутствие заметят не сразу.

Как могли бы не сразу заметить мое.

Лежа той ночью в кровати, я постоянно прокручиваю в голове всю сцену, с того момента, как я направилась к девушке, чтобы подальше отойти от парня с бородкой. И ругаю себя, что не поступила как-то иначе. Не схватила ее за руку или не закричала «*Нем!*» чуть пораньше.

Когда я заметила девушку с приятным лицом, я думала лишь о том, как она может спасти меня. Но это я должна была ее спасти.

Комната словно сжимается вокруг меня в темноте.

Протягиваю руку, включаю лампу на прикроватном столике и моргаю от яркого света. Нужно поспать – в девять утра у меня важное собеседование в «Глобал Метрикс», и, если я не получу это место, придется оставаться на временной работе. Повезло, что у меня есть подработка в исследовательском отделе уважаемой юридической фирмы, но платят они не слишком хорошо, плюс медстраховка, оставшаяся с предыдущего места работы, истекает через несколько месяцев.

Но расслабиться не получается. Беру телефон и пытаюсь слушать лекции «ТЕД Толкс», чтобы отвлечься, но меня продолжают одолевать мысли о ней. «*Кем она была?*» – задаюсь я вопросом.

Я набираю в поисковике «Нью-Йорк станция 33-я улица суицид». Короткие новостные заметки, которые он мне выдал, не отвечают ни на один из моих вопросов. Я лишь узнала, что она стала двадцать седьмым человеком, прыгнувшим под поезд метро в Нью-Йорке в этом году.

Столько страданий – словно поток, скрытый под громкой суетой моего города. Что же заставляет людей пересекать эту последнюю, отчаянную черту?

Толкнула ли ее на этот шаг внезапная трагедия? А может, ей тоже казалось, что ее жизнь движется по наклонной?

Откладываю телефон. «*Хватит*», – приказываю я себе. Хватит искать сходства между вами. Она – не мое будущее.

Жду до семи утра, завариваю суперкрепкий кофе, надеваю свой любимый серый костюм и вытаскиваю маленькую палетку от «Сефоры», подаренную мамой на Рождество.

Закрывая за собой дверь, я вспоминаю, что так и не поработала над резюме. Уверяю себя, что оно не слишком нуждается в редактировании и я смогу компенсировать это сильным интервью.

По дороге я размышляю, как объяснить уход с предыдущего места – уволили сразу пятерых, и я надеюсь, что это сыграет в мою пользу, – и в этот момент замечаю знакомый зеленый столб, обозначающий вход в метро, и ведущие вниз ступени.

Я резко подаюсь назад, будто пораженная током.

– Эй, осторожнее, – ворчит кто-то, протискиваясь мимо меня.

Ноги словно застыли в цементе. Я вижу, как другие пассажиры исчезают в темной дыре, так же как я вчера – и тысячи раз до этого. Но теперь в глазах рябит, а голову наполняет шум. Я даже не могу заставить себя наступить на металлическую решетку между мной и входом.

Чем дольше я там стою, пытаюсь заставить себя двинуться вперед, тем сильнее нарастает паника. Когда я слышу приглушенный шум подъезжающего к станции поезда, становится трудно дышать. Подмышки промокают от пота, и с носа сползают очки.

Вытаскиваю телефон: 8:25 утра.

На дрожащих ногах иду до перекрестка и ловлю такси, но в городе час пик. Я приезжаю в «Глобал Метрикс» с опозданием на десять минут, взвинченная и нервная. Глубоко дышу и вытираю ладони о брюки, пока секретарь ведет меня в кабинет Стэна Декера, начальника отдела кадров.

Обычно люди формируют мнение о других за первые семь секунд знакомства, так что при встрече с ним я стараюсь держаться прямо, крепко пожать руку и не отводить взгляда – все это говорит об уверенности в себе.

На вид ему лет сорок с небольшим – лысеющий, с толстым золотым обручальным кольцом и множеством фотографий в рамках на столе. Они все повернуты к нему, но я догадываюсь, что на них жена и дети.

– Итак, Шэй, почему вы считаете, что подходите нам? – начинает он, когда мы садимся.

Простой вопрос, и я его ждала.

– Я люблю исследовать. Меня всегда интересовало, как подсознание влияет на привычки и решения людей. Моей основной специальностью была статистика, второстепенной – анализ данных. Я помогу вашей компании тем, что умею делать лучше всего: буду собирать и расшифровывать информацию, необходимую для создания сообщений, которые привлекут целевую аудиторию.

Он кивает и складывает руки домиком.

– Расскажите немного о своих самых успешных проектах.

Этот вопрос тоже входит в десятку самых популярных вопросов на собеседованиях.

– На моем последнем месте работы одним из клиентов была компания по производству органического йогурта, которая хотела расширить свой рынок за счет миллениалов.

У меня в сумке вибрирует телефон. Я вздрагиваю. Поверить не могу, что нарушила одно из важнейших правил собеседования: не отключила телефон.

Взгляд Стэна Декера падает на мою сумку.

– Прошу прощения. Видимо, я забыла отключить его после того, как позвонила предупредить вас, что задержусь на несколько минут.

После таких слов мне хочется себя ударить: *Зачем ему об этом напоминать?*

Роюсь в сумке в поисках телефона. Прежде чем я успеваю его выключить, на экране всплывает оповещение о новом голосовом сообщении от незнакомого номера с кодом 212.

Возможно, это детектив полиции, которая вчера брала у меня показания. Она сказала, что ей может потребоваться снова связаться со мной сегодня.

– Так что там с йогуртами? – напоминает Стэн.

– Да...

Я чувствую, как пылают щеки – скорее всего, они сейчас ярко-красные на фоне моей бледной кожи.

Пытаюсь собраться с мыслями, но сосредоточиться невозможно. Я могу думать только о сообщении на телефоне.

Этот звонок словно выпустил на волю все звуки и зрелища вчерашнего дня – оглушительный скрежет колес поезда, трепетание светло-зеленого платья в горошек, когда девушка прыгнула. Я не могу перестать прокручивать все это.

Что-то мямлю, и мне удастся закончить собеседование, но еще до того, как я покинула здание, понимаю, что меня не возьмут.

Как только оказываюсь на тротуаре перед «Глобал Метрикс», достаю телефон.

Я не ошиблась: звонила детектив Уильямс. Она хочет снова пройтись по моим показаниям по телефону. Когда мы заканчиваем, я спрашиваю, как звали погибшую; почему-то мне важно это знать.

– Мы уже оповестили ближайших родственников, так что я могу открыть вам ее имя. Аманда Эвингер.

Закрываю глаза и повторяю его про себя. Такое красивое имя. Я знаю, что никогда его не забуду.

Иду домой через сорок кварталов, пытаюсь заставить себя выстроить план на оставшуюся часть дня: обновлю резюме и отправлю его новой порции агентов. А потом побегаю, чтобы получить заряд эндорфинов и поднять настроение. И еще мне нужно купить подарок для маленькой дочки Мелани, чья мать пригласила меня к себе выпить на неделе.

По дороге домой я делаю кое-что еще: планирую маршрут в обход всех станций метро.

Глава 4

Кассандра & Джейн

Через несколько дней после того, как Аманда прыгнула под поезд, Джейн получает срочный звонок: кто-то кроме матери Аманды появился у ее дома.

Джейн спешит в соседний кабинет, к Кассандре, сжимая в руках телефон. В «Мур Паб-лик Рилейшнз», их небольшой фирме на Салливан-стрит, оживленное утро. До этого момента рабочий день протекал как обычно – они встретились с многообещающим дизайнером сумок, уточнили детали открытия выставки художницы, которую они представляют, и составили список лидеров мнений, которые должны будут распространить информацию о новом ресторане азиатской кухни в стиле фьюжен.

Но все это время они оставались настороже и держали под рукой телефоны.

Стейси – самая молодая в группе, ей двадцать девять – на другом конце провода. Она бросила школу после одиннадцатого класса, но позднее получила-таки аттестат и сама приобрела так много знаний в сфере технологий, что теперь является востребованным консультантом по кибербезопасности. Стейси часто недооценивают из-за миниатюрного телосложения, создающего обманчивое впечатление о ее физической форме, и грубоватой, слегка безграмотной речи, которая отвлекает от ее острого как бритва ума.

Сестры считают ее одним из своих ценнейших кадров.

Это Стейси взломала ноутбук Аманды. И даже смогла установить камеру наблюдения на фонаре у входа в ее дом и издалека отслеживать видеотрансляцию в режиме реального времени. Сидя в кофейне через квартал отсюда, Стейси одновременно работала и наблюдала.

Пока Стейси сообщает подробности – «она пробыла недолго, ни с кем не разговаривала», – Джейн врывается в открытую дверь кабинета Кассандры.

Длинные, изящные пальцы Кассандры, парящие над клавиатурой, замирают, когда она видит выражение лица Джейн. Сидя на кресле, Кассандра наклоняется вперед, волосы рассыпаются по ее узким плечам.

Джейн захлопывает дверь и включает Стейси на громкую связь.

– Я с Кассандрой, – говорит Джейн. – Расскажи все с самого начала.

Сестры Мур узнают, что в 11:05 утра какая-то девушка – лет тридцати, в очках в черепаховой оправе и с каштановыми волосами, высокая и спортивная на вид – поднялась по лестнице многоквартирного дома Аманды. Пока посетительница стояла и смотрела на старое здание из песчаника, разделенное на маленькие квартиры, камера Стейси фиксировала ее действия. Стейси не узнала ее и поэтому подняла тревогу.

Посетительница не позвонила ни в один звонок. Примерно через девяносто секунд она положила одну желтую циннию на угол верхней ступени, неподалеку от ламинированного объявления о поминках, повешенного сестрами.

Потом она развернулась и ушла. Стейси – которая уже собирала вещи, надеясь добежать до места и проследить за незнакомкой, – оказалась слишком далеко, чтобы ее поймать.

– Пожалуйста, пришли поскорее видео, – дает указания Кассандра. – Если она вернется...

– Поняла, – перебивает Стейси. – Больше я ее не упущу.

Как только запись приходит, ее пристально изучают.

Кассандра останавливает видео на том моменте, когда девушку видно четче всего. Ее изображение заполняет экран компьютера, как недавно его заполняло фото Аманды.

– У них разный цветотип, но она высокая, как и Аманда, – замечает Кассандра. – Может, родственница, о которой мы прежде не слышали?

Джейн пожимает плечами.

– У Аманды были секреты. Может, эта девушка – один из них.

Вглядываясь в широко расставленные голубые глаза таинственной посетительницы и небольшую ямочку на ее подбородке, Кассандра наклоняется ближе. Протягивает руку и проводит пальцем по щеке девушки.

Она говорит мягким шепотом, но смотрит немигающим, пристальным взглядом.

– Кто ты?

Глава 5

Шэй

552 случая суицида были зафиксированы в Нью-Йорке в прошлом году; примерно треть составляют женщины. 48 процентов из них были одиноки. Среди женщин большая часть самоубийств приходится на долю белых. А среди пяти округов чаще всего самоубийства совершают жители Манхэттена.

Книга Данных, страница 6

Через несколько дней после провального собеседования я сижу на кухне в квартире Мел в Бруклине и откручиваю крышку у бутылки минеральной воды «Перье», которую я принесла.

К груди Мел привязана ее дочка, Лила, которая мучается от колик, и подруга осторожно покачивает ее, чтобы успокоить, пока я наполняю наши стаканы и достаю из пакета сыр и крекеры.

У нее дома бардак, но веселый – розово-желтая подушка для кормления на диване и стопка пеленок для срыгивания на кухонной столешнице. Возле маленького круглого обеденного стола стоит электрическое кресло-качалка. На заднем плане на проигрывателе, купленном в прошлом году мужем Мел, играет «Желтая субмарина» Битлз.

Мне совершенно не хочется говорить здесь об ужасном самоубийстве Аманды, но Мел чувствует, что что-то не так. Мне никогда не удавалось скрывать свои эмоции.

– Шэй, я даже представить не могу, как это было ужасно, – говорит она с содроганием, когда я заканчиваю историю. И крепче прижимает к себе Лилу.

Я не признаюсь, что добиралась сюда сперва на автобусе, а затем на «Убере» за двадцать пять долларов, вместо того чтобы сесть в метро. Сегодня меня снова охватила паника, как в понедельник, когда я попыталась доехать на метро на собеседование, и вчера, когда я добиралась до подработки. Когда я подошла к зеленому столбу, у меня бешено заколотилось сердце и ноги отказались двигаться дальше.

Если подумать логически, я понимаю, что вряд ли стану свидетелем еще одного самоубийства в метро – статистика подтверждает, насколько редко они случаются. Но тот случай, который мне довелось увидеть, никак не выходит из головы.

– Сегодня утром я ходила к ее дому, – сообщаю я. – Дому Аманды.

Лила выплевывает соску, и Мел вставляет ее обратно, покачиваясь еще быстрее.

– Что? Зачем?

Мел выглядит уставшей, и я уверена, что я тоже. Вчера ночью я проснулась из-за дурного сна. Весь кошмар пронизывал нарастающий грохот колес. Я ввела имя Аманды на сайте «Белых страниц» – заснуть не получалось – и так нашла ее адрес.

– Я хотела узнать о ней побольше. Убить себя подобным образом так жестоко... *Так отчаянно.* Думаю, я просто пытаюсь понять причины.

Мел кивает, но, судя по выражению ее лица, мое поведение кажется ей странным.

– Узнала что-нибудь?

Кручу шагомер «Фитбит» на своем запястье. В последние несколько дней число моих шагов почти удвоилось, ведь привычное средство передвижения больше мне недоступно.

– Завтра вечером состоятся поминки, – сообщаю я, не давая прямого ответа на вопрос. – Подумываю пойти.

Мел хмурится.

– Считаешь, это хорошая мысль?

Я понимаю, почему это кажется ей странным – здесь, в уютной квартирке с чили из трех сортов бобов на плите и открыткой с йоги для мам и младенцев на холодильнике.

Мел бы не заикнулась на Аманде; между ними нет ничего общего.

Борюсь с желанием снова прикоснуться к «Фитбиту». Раньше эти устройства были везде; теперь же, похоже, их мало кто носит. Но на фотографии, которая висит у входа в подъезд Аманды, у нее на запястье тоже такой браслет.

Когда я это заметила, внутри все сжалось. Еще один связующий нас элемент.

Этого я Мел тоже не рассказываю. Раньше Мел знала меня лучше, чем кто-либо; мы жили в одной комнате, когда учились в Бостонском университете, и вместе снимали квартиру, когда только переехали в Нью-Йорк. Но наши миры больше не пересекаются, и дело не только в географии.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – предлагаю я. – Что ты чувствуешь по поводу возвращения на работу? Уже нашла ясли?

– Да, нашла прекрасный вариант всего в одном квартале от офиса. Смогу приходить к Лиле каждый день во время обеда.

– Идеально! Только пообещай, что будешь питаться не только протертой морковкой.

Она смеется, и мы болтаем еще какое-то время, но потом недовольство Лилы становится громче. И Мел явно непросто сосредоточиться, когда малышка расстроена.

– Кажется, пора оставить тебя в покое. – Я опускаю пустой стакан.

Мел берет маленького плюшевого слоника, которого я принесла Лиле, и машет им на прощание.

– Ты знаешь, что можешь позвонить мне в любое время.

– Взаимно.

Я целую Мел в щеку и затем наклоняюсь поцеловать сладко пахнущую головку Лилы.

Я иду пешком в сторону Манхэттена, пока не начинает темнеть, и тогда вызываю «Убер». В машине есть кондиционер, чему я несказанно рада.

Пока я была с Мел, мама оставила мне сообщение, поэтому я набираю ее номер.

Она сразу же берет трубку.

– Привет, милая. Жаль, ты не с нами! У нас мексиканский вечер. Мы с Барри приготовили гуакамоле и «тощую» маргариту.

– Здорово! – пытаюсь я поддержать ее энтузиазм.

Представляю ее в обрезанных джинсах и майке, с банданой на волнистых каштановых волосах, сидящей в кирпичном патио, которое Барри построил несколько лет назад. Моя мама миниатюрная, с оливковой кожей. Я же унаследовала широкие плечи и спортивную фигуру отца. Взрослея, я иногда задавалась вопросом, понимали ли люди, которые видели нас вместе, что мы мать и дочь – не только из-за разной внешности, но и потому, что она была гораздо моложе остальных мам в моей школе.

Она родила меня, когда ей было всего девятнадцать. Она работала секретарем в Трентоне, а моему отцу был двадцать один год, и он изучал экономику в Принстоне. Они расстались еще до моего рождения. Он из богатой семьи и всегда платил алименты. Но видела я его всего несколько раз в жизни, потому что потом он уехал изучать бизнес в Стэнфорд и так и остался жить в Калифорнии.

Мамина судьба сложилась совсем иначе: она устроилась в строительную компанию и вышла замуж за Барри, который работал прорабом, когда мне было одиннадцать.

– Как дела? – спрашивает мама. – Мы не общались всю неделю.

– Видимо, она была слишком занята – спала на своей ерундовой подработке, – слышится голос Барри на заднем фоне.

Барри – основная причина, по которой я приезжаю в гости к маме недостаточно часто.

Делаю вид, что меня смешит его замечание. Минуту спустя Барри зовет маму есть кесадилью, и я рада поводу закончить разговор.

Снимаю очки и потираю переносицу, потом снова надеваю их и откидываюсь на сиденье, разглядывая панораму Манхэттена, пока мы пересекаем Бруклинский мост. Никогда не устаю от этого зрелища, но в сумерках, с сияющими зданиями на фоне пурпурно-оранжевого неба, оно особенно прекрасно.

Каждый год люди приходят на этот мост полюбоваться прекрасными видами или насладиться прогулкой.

Или прыгнуть вниз и убить себя.

Мысль пронзает меня, как электрический ток.

Отвожу взгляд от стальных балок и сверкающей внизу темной глади пролива Ист-Ривер.

Я упорно смотрю вниз на резиновый коврик под ногами, пока мост не остается далеко позади.

Глава 6

Кассандра & Джейн

За час до начала мемориальной службы по Аманде пять девушек собираются в частном зале в «Роузвуд-Клуб», чтобы помянуть медсестру экстренной помощи с искрометным характером, которая считала шаги с помощью «Фитбита», таким образом возмещая ущерб от своих любимых конфет.

Они полукругом рассаживаются на диваны и кресла и тихо переговариваются. Одна плачет, и ее плечи трясутся, пока другая гладит ее по спине, пытаясь успокоить.

Это те же девушки, что были рядом с Амандой на фотографиях Кассандры.

Не хватает только одной: она не придет на поминки, потому что сегодня у нее более важная задача.

Кассандра и Джейн осматривают помещение. Все на своих местах. Бар в углу забит алкоголем – это развяжет языки. В буфете – сырная тарелка и мини-сэндвичи. На подставке стоит увеличенная фотография Аманды с трехцветной кошкой на руках. Рядом с ней на маленьком столике лежит раскрытая гостевая книга.

Кассандра закрывает дверь, выходит на середину комнаты и несколько мгновений стоит молча. Шелковое платье цвета эбенового дерева облегает ее высокое, гибкое тело. Единственный цветовой акцент – красная помада.

Напряжение и сложности последних дней не приглушили ее разительной, необычной красоты. Ее черты кажутся даже еще более точеными, а янтарные глаза завораживают.

– Я знаю, что гибель Аманды далась каждой из вас так же тяжело, как нам с Джейн, – начинает Кассандра. И быстро кивает головой. – Аманда была одной из нас.

Девушки переговариваются между собой, выражая согласие. Кассандра поднимает голову и смотрит на каждую по отдельности.

Стейси, такая миниатюрная, порывистая и умная, обладательница как минимум дюжины футболок «Марвел», с взрывным темпераментом и, кажется, бездонным запасом преданности.

Дафна, которая в тридцать два года владеет роскошным бутиком в Вест-Виллидж и обладает особой внутренней изысканностью, благодаря которой с легкостью создает очаровательную одежду и подбирает наряды для клиентов. Дафна всегда выглядит так, будто сошла с обложки журнала: светлые локоны профессионально укладывают дважды в неделю, а макияж всегда безупречен.

И, наконец, Бет из Бостона, государственный адвокат защиты тридцати четырех лет, которая часто кажется загруженной и немного растерянной – ее сумка наполнена мятыми чеками, недоеденными зерновыми батончиками, резинками для волос и мелочью, – но которая обладает острой, безошибочной интуицией насчет людей.

Кассандра глубоко восхищается этими людьми. Они умны и преданны. Между ними есть и еще кое-что общее: всем пришлось преодолеть тяжелые жизненные обстоятельства – от потери работы до изнасилования и рака.

– Просто не могу поверить, – твердит Бет. Несмотря на напряженную профессию, Бет очень смешлива. Но сегодня на ее щеках блестят слезы. – Последний раз, когда я к ней ходила, она испекла такой изумительный ирисковый чизкейк... Ну вы сами знаете, Аманда и сладкое... И мы планировали вместе посмотреть новый фильм с Джулией Робертс. Я все еще в шоке. Постоянно думаю, что должна была повести себя как-то иначе – сильнее пытаться ее разговаривать.

– Послушай, я знаю, все вышло из-под контроля, – говорит Джейн. – Все знали, как Аманду расстроил наш... Опыт.

– Мы все хотели бы, чтобы она обратилась к нам, а не закрывалась. – Кассандра прочищает горло. Пора привлечь всеобщее внимание. – Мы не хотим вас пугать. Но следует учитывать вероятность, что Аманда могла говорить с кем-то о нашей группе.

Сестры не рассказали остальным, что кулон Аманды – спроектированный и созданный Кассандрой – не исчез под колесами поезда, когда Аманда умерла.

В подвески в форме солнца, подаренные сестрами всем девушкам, были встроены GPS-датчики. Мера предосторожности, чтобы защитить их во время выполнения порой опасных задач, – но еще, возможно, это было следствием некоего предчувствия. Кроме сестер, никто из девушек не знает, что их кулоны – не просто украшения.

Когда сестры проверяли месторасположение датчика Аманды через несколько дней после ее самоубийства, они ожидали ничего не увидеть: разумеется, кулон был уничтожен.

Но серая точка на экране телефона Джейн показала, что датчик находится в нескольких кварталах от станции «33-я улица», где было совершено самоубийство, в маленьком многоквартирном доме на Марри-Хилл.

Кассандра побледнела, когда Джейн сообщила ей новости. Она схватила сестру за руку. – *Кому?* – прошептала Кассандра. – Кому Аманда могла его отдать?

В том здании живут две дюжины человек. Кулон может быть у любого.

Теперь Джейн раздает распечатки фотографии девушки в очках в черепаховой оправе, которая положила к двери Аманды цветок.

Стейси смотрит на снимок. Затем резко поднимает голову.

– Эй, так это же с видео, которое я записала, – вырывается у нее. Потом она складывает руки на груди и умолкает. Теперь в ее светлых волосах виднеется пурпурная прядь – она меняет цвет каждые несколько месяцев, – а рот превратился в тонкую, жесткую линию.

Обычно Стейси не слишком много говорит, а если учесть ее прошлое и недавние события личной истории, неудивительно, что она чувствует себя некомфортно в такой роскошной обстановке.

– Кто-нибудь видел раньше эту девушку? – спрашивает Джейн. Остальные поочередно качают головой, рассматривая фотографию.

– Снимок сделан возле квартиры Аманды? – спрашивает Бет. – Я узнаю вход.

Кассандра награждает ее одобрительным кивком.

– Да, вчера эта женщина приходила к дому Аманды и оставила у входной двери желтую циннию.

Джейн переводит взгляд на букеты на столе и каминной полке, составленные из дюжин и дюжин желтых цинний. Это была идея Кассандры. Если цветы имеют какое-то значение и появится та девушка, они могут спровоцировать реакцию.

Дафна – член «Роузвуд-Клуба», которая зарезервировала зал для мероприятия, – поднимает руку, и браслет от «Эрмес» соскакивает у нее с запястья. До недавнего времени Дафна любила шарфы этой же фирмы, но теперь не может носить на шее ничего, кроме легких кулонов.

– Думаешь, Аманда рассказала все этой девушке? – с тревогой в голосе спрашивает Дафна.

– Мы пока не знаем, рассказала ли она что-нибудь кому-либо вообще, – отвечает Кассандра. – Но нам надо выяснить, что именно связывает эту девушку с Амандой.

Стейси снова берет голос.

– Странно, что она принялась разнюхивать сразу после смерти Аманды.

Ее нога начинает стучать по деревянному полу.

– Согласна, – вставляет Бет.

Джейн кивает.

– Мы ожидаем сегодня определенных людей – разумеется, мать Аманды и ее тетю. Вероятно, нескольких коллег. Возможно, и эту загадочную посетительницу. А может, Аманда общалась вообще с кем-то другим. – Джейн замолкает. – И тут наступает ваше время.

– Растворитесь в толпе, – инструктирует Кассандра. – Заводите беседы с вопросами вроде: «Откуда вы знали Аманду?», «Когда вы виделись с ней последний раз?», «Она не показалась вам странной?». Если что-то привлечет ваше внимание – не обязательно ответ, возможно, вы услышите что-либо другое, – сразу же разыщите меня или Джейн.

Кассандра окидывает взглядом комнату, снова останавливаясь поочередно на каждой девушке. Джейн наблюдает за тем, какой эффект на них оказывает ее сестра – словно ее взгляд наполняет их чистой, яркой энергией. Они выпрямляются или начинают кивать.

– А если кто-нибудь спросит, откуда знали Аманду *мы*? – задает вопрос Дафна.

– Хороший вопрос, – замечает Джейн.

– Давайте подумаем. Из-за матери она ходила в группу для родных алкоголиков «Ал-Анон», – говорит Кассандра. – Мы вполне могли познакомиться там... Хотя нет. Пойдем другим путем. Она любила ходить на утреннюю йогу по вторникам в свой зал на 42-й улице, так что... – Кассандра качает головой. – Нет. Тоже не годится. Сегодня может прийти кто-то из зала. Давайте выберем роль членов книжного клуба. Все согласны?

– Конечно, – соглашается Дафна.

Джейн продолжает:

– Мы знакомы не слишком давно, но уже стали близким подругами. Чем ближе к правде, тем лучше. Последняя книга, которую мы читали, – «Гордость и предубеждение».

Стейси прочищает горло.

– Эм, честно говоря, не уверена, что я похожа на члена книжного клуба.

– Не переживай, если ее не читала, – успокаивает ее Кассандра. – Многие ходят в книжный клуб просто поболтать и выпить вина.

Впервые с начала встречи комнату наполняет смех.

Бет спрашивает:

– Может, добавить какие-то детали? Например, лимонные пирожные, которые готовила Аманда... Сказать, что она приносила их на встречи?

– Конечно, отличное дополнение, – отвечает Кассандра. – Ведь мы пришли сюда и скорбеть. Наши чувства и боль от потери реальны. Вспоминая о личных качествах Аманды, которые делали ее особенной, мы отдадим им должное.

Кассандра смотрит на часы.

– У нас осталось еще немного времени. Давайте помянем ее в узком кругу.

Она опускается на пустой стул, скрестив ноги, и Джейн устраивается рядом.

Хрипловатый голос Кассандры звучит успокаивающе. Ее ладони слегка сомкнуты. Такая сдержанность – свидетельство ее самоконтроля.

– Потеря, с которой мы столкнулись, может спровоцировать разногласия, – начинает Кассандра. – Прямо здесь и сейчас давайте поклянемся, что мы этого не допустим. После потери Аманды важнее, чем когда-либо, оставаться сплоченными...

Кассандра берет за руки Джейн и Бет, которые сидят к ней ближе всех. Они, в свою очередь, тянутся к Дафне и Стейси и формируют круг, слушая речь Кассандры:

– Прежде всего, давайте вспомним, что нас объединяет. Насладимся нашим сестринством.

Глава 7

Аманда

Десять дней назад

Аманда лежала на кровати – ноги крепко прижаты к груди, глаза зажмурены.

В голове пульсировали свежие воспоминания: улыбающийся мужчина подносит бокал к ее бокалу. Горький вкус виски покалывает язык. Они идут, держась за руки и слегка покачиваясь – они ушли из бара и теперь направлялись в Центральный парк. Легкий ветерок прорезает ночной летний воздух, вызывая мурашки на ее голых руках.

Видение прервало громкое жужжание дверного звонка. Она подняла голову. Кто-то в холле упорно жал на кнопку.

Аманда напряглась, почти затаив дыхание.

Потом зажала руками уши, но неумолимый звонок все равно доносился до ее сознания. *«Они не остановятся»*, – подумала она.

Затем жужжание резко умолкло.

Она осмотрела темную квартиру. Шторы задернуты, окна закрыты, дверь заперта на цепочку. Весь свет выключен. Она не выходила из дома несколько дней; любому наблюдателю ее квартира могла показаться пустой.

Она еще могла успеть спастись.

Ее разум был затуманен нехваткой сна и еды, но она пыталась продумать план: звонок, который необходимо сделать; припасы, которые она возьмет с собой; самый безопасный маршрут добраться туда.

Она почти убедила себя, что это сработает, когда раздался мягкий, леденящий душу стук.

Костяшки пальцев ритмично стучали по ее двери. Потом в замке заскрежетал ключ.

Послышался голос, чуть громче шепота:

– Аманда, мы знаем, что ты там.

Глава 8

Шэй

Примерно 50 процентов людей, которые пытаются себя убить, делают это под влиянием момента. Согласно исследованию, проведенному среди переживших попытку самоубийства, более четверти из них раздумывали над своими действиями менее пяти минут.

Книга Данных, страница 7

В четверг я надеваю на подработку простое черное платье, хотя еще не решила, пойду ли на поминки.

Во всяком случае, так я себе говорю.

Мой руководитель уходит рано, чтобы поужинать с клиентом, но я остаюсь подольше и заканчиваю проверку новых материалов для сайта фирмы. Он меня об этом не просил, но думаю, дополнительная пара глаз не повредит. Обвожу опечатку на одной из страниц и иду в его кабинет.

Оставляю страницу у него на столе и тайком вытаскиваю из стеклянной чаши с его стола маленькую конфетку с арахисовым маслом – он держит их для посетителей. Потом спускаюсь на лифте в холл и выхожу на улицу.

Вечерняя гроза начисто вымыла тротуары и сбила удушливую жару.

Нужно зайти за продуктами – у меня закончились все припасы, – а потом вернуться домой и заняться стиркой.

Но я уже иду в сторону того места, где состоятся поминки. Адрес запомнить несложно. Это палиндром – цифры читаются одинаково вперед и назад.

Пятнадцать минут спустя я захожу в «Роузвуд-Клуб». За простым экстерьером скрывается неожиданная роскошь. На полу лежат толстые ковры с орнаментом, и внушительная винтовая лестница ведет на второй этаж. На стенах висят картины в золотых рамах, и под каждой есть табличка.

Я успеваю прочесть одну – ДЖОН СИНГЕР САРДЖЕНТ, 1888, – когда ко мне подходит молодой человек в сером костюме.

– Вы на поминки? – спрашивает он, его тон официален и гостеприимен одновременно.

– Да, – отвечаю я, удивляясь, как он понял. Может, сегодня это единственное мероприятие.

– Второй этаж, – сообщает он, жестом показывая на лестницу. – Зал будет слева.

Зайду лишь на несколько минут, обещаю я себе, беззвучно поднимаясь по покрытым ковром ступеням. Я не могу точно сформулировать, зачем пришла. Наверное, надеюсь узнать что-нибудь, что сгладит чувство вины и навсегда закроет эту главу.

Наверху я поворачиваю налево. Дверь в ближайший зал открыта, и я вижу внутри людей. Похоже, пришло меньше двадцати человек. Я представляла ряды стульев и оратора, восхваляющего Аманду. Думала, что незаметно проскользну и сяду на заднем ряду.

Посещение этого частного мероприятия было ошибкой; я не имею к нему никакого отношения, и неважно, что было написано в объявлении у двери Аманды.

Прежде чем я успеваю сделать шаг назад, ко мне подходит женщина. Даже в городе, населенном моделями и актрисами, она выделяется из толпы. Она не просто красива. Она излучает нечто невыразимое, какую-то магнетическую ауру. Она примерно моего возраста, и на нас обеих черные платья. Но она словно явилась из другого мира.

– Добро пожаловать, – чуть хриловатым голосом говорит она и тянется к моей руке. Вместо того, чтобы пожать, она сжимает ее между ладоней. Несмотря на работающий кондиционер, у нее теплая кожа.

– Спасибо, что пришла.

Слишком поздно. Теперь никуда не деться.

– Спасибо за приглашение.

Я понимаю, что это звучит неуместно. Меня ведь не приглашали лично. Она не отпускает моей руки.

– Я – Кассандра Мур.

У нее миндалевидные золотисто-карие глаза и высокие, острые скулы. Плечи отведены назад, а осанка настолько безупречна, что я почти представляю книгу, идеально балансирующую у нее на голове.

Потом осознаю, что пялюсь, и быстро отвечаю:

– Шэй Миллер.

– Шэй Миллер, – в устах Кассандры мое имя почему-то звучит экзотично. – А откуда ты знала Аманду?

Правды я сказать не могу – скорее всего, она сочтет это странным, как Мел. Поэтому я прокашливаюсь и лихорадочно оглядываю комнату.

И замечаю две вещи. Во-первых, в комнате всего двое мужчин, а все остальные женщины – и почти все примерно моего возраста.

Во-вторых, на большой фотографии Аманда держит на руках трехцветную кошку.

– Мы ходили к одному ветеринару, – бормочу я. – У нас у обеих были кошки.

Кассандра отпускает мою руку.

– Как мило.

Я сразу же пожалела, что солгала. Почему нельзя было сказать, что мы просто жили в одном районе?

Прежде чем я успеваю задать ей тот же самый вопрос, она говорит:

– Выпей, съешь что-нибудь. Тут много всего. – Она жестом указывает в сторону угла, где я вижу бар и стол с закусками. – И обязательно сделай запись в гостевой книге.

Я улыбаюсь и благодарю ее.

– Шэй? – говорит она, когда я собираюсь уходить.

Я смотрю на нее, и меня снова приводит в изумление ее мощная энергетика.

– Спасибо большое, что пришла. Мы ждали больше людей, но в наше время все так заняты... Мы разобщены, каждый живет свою жизнь. Но ты нашла время сюда зайти.

Ее слова не просто прогоняют смущение и стыд, которые я чувствовала лишь несколько мгновений назад.

Благодаря им я чувствую себя причастной.

Выпрямив спину, я направляюсь к бару и прошу стакан минеральной воды, а потом обхожу зал. Никакой программы или других фотографий Аманды нет. Какие странные поминки.

И тут я замираю на месте, заметив большой букет желтых цинний рядом со снимком Аманды. «Вот эту», – подумала я тогда, протянув руку мимо лилий и роз и выбрав циннию, чтобы положить у входа.

Сердце начинает биться чаще. Почему я выбрала именно этот цветок среди всех остальных, представленных в магазинчике на углу по дороге к дому Аманды? Может, она тоже закупалась в этом магазинчике. Могла ли цинния быть ее любимым цветком?

Отрываю взгляд от цветов и делаю запись в гостевой книге, как попросила Кассандра. Вписываю свое полное имя – Шэй Миллер, – но оставляю место для адреса пустым. Наверное,

информацию собирают для семьи Аманды, возможно, чтобы они могли разослать благодарственные письма ее друзьям за посещение поминок или просто оставаться с ними на связи.

Кладу ручку и подхожу к фотографии Аманды. Я долго на нее смотрю.

Впечатление, сложившееся тогда в метро, находит подтверждение: она выглядит доброй.

«Жаль, что я не смогла тебе помочь, – думаю я. – Жаль, что заметила не сразу. Мне очень жаль».

Чувствую, как по щеке стекает слеза. Потом замечаю одну деталь: на фотографии у Аманды на шее висит золотое украшение на тонкой цепочке. Кулон в форме солнца.

По коже пробегают мурашки, когда до меня доходит: именно этот кулон я нашла на платформе.

Куда он делся? Я очень смутно помню часы после самоубийства Аманды. Может, я убрала его в сумку. Лезу в сумку и пытаюсь осторожно его отыскать, но пальцы не нащупывают никаких маленьких, острых краев.

Возможно, я выронила его под действием шока от случившегося, но на всякий случай я решаю проверить потом сумку еще раз.

К фотографии Аманды подошли еще две посетительницы.

– Я буду скучать по тому, как она вечно передразнивала мой бостонский акцент, – говорит одна.

– Да, помню как сейчас, – отвечает другая.

Подходит третья девушка и обнимает двух других. Помимо того, что на вид им всем около тридцати, внешне между ними нет практически ничего общего. Та, что с акцентом, немного напоминает неприбранную кровать – мятая рубашка, непричесанные рыжие волосы и комок мятых бумажных салфеток в руке. Ее спутница – невысокая, дерзкая на вид, с фиолетовой прядью в светлых волосах. Третья – из тех, кого я причисляю к гламурным штучкам: она выглядит идеально от кончиков ногтей до тонких полосок розоватых босоножек.

Привязанность между всеми тремя очевидна. И Аманда – которая, опять же, выглядела совсем иначе, чем они, – была, очевидно, частью их компании.

Может, они все были членами женского клуба в колледже.

Интересно: Аманда, у которой явно были такие преданные друзья, обращалась к ним за помощью? Она явно много для них значила. Но, видимо, на нее навалилось что-то слишком тяжелое, и она не смогла преодолеть это даже с их поддержкой.

Наблюдаю, как три девушки снова наклоняются друг к другу и о чем-то переговариваются, а потом та, у которой фиолетовая прядь в волосах, поворачивается ко мне и пристально вглядывается своими близко посаженными глазами. Две другие делают то же самое.

Быстро ухожу оттуда на случай, если они захотят подойти ко мне и поговорить об Аманде. Хотя Кассандра и сказала, что рада меня видеть, я все равно здесь лишняя.

Когда я направляюсь к двери, у меня на пути оказывается еще одна девушка.

– Ты в порядке? – Она сочувственно улыбается, и на правой щеке у нее появляется ямочка. – Я Джейн. Ты уже видела мою сестру Кассандру.

Можно догадаться, что они родственницы: у них не только одинаковые цвета эбенового дерева волосы и сияющая кожа, но и схожий магнетизм. Джейн миниатюрнее сестры, ее черты мягче, голос – нежнее.

– Спасибо. – Я беру предложенную ею салфетку и промокаю глаза под очками. – Просто... Я жалею, что не смогла помочь Аманде.

Джейн делает ко мне шаг, и я вдыхаю сладкий аромат ее цветочных духов.

– Знаю, – понимающе говорит она. – Многим из нас приходится сегодня бороться с противоречивыми чувствами. Мне вот определенно.

Видимо, после самоубийства все чувствуют за собой вину.

Я готова отдать что угодно, лишь бы забрать назад свою ложь об обстоятельствах нашей с Амандой встречи, но это невозможно, и потому я честно говорю Джейн:

– Я не знала ее близко, но не могу перестать о ней думать. Наверное, я пришла сюда, чтобы побольше о ней узнать.

– Ясно. – Джейн наклоняет голову набок, словно ее посещает внезапная мысль. – Знаешь, после поминок мы собираемся пойти выпить небольшой компанией. Может, присоединишься?

– Ого, – растерянно вырывается у меня. Я настолько удивлена предложением, что едва могу говорить. – У меня, хм, планы.

Она выглядит расстроенной.

– Очень жаль. Знаю, мы только познакомились, но у меня ощущение, что нам есть о чем поговорить.

Прежде чем я успеваю ответить, Кассандра отрывается от разговора с заплаканной пожилой женщиной с бокалом вина в руке, которая, судя по виду, является матерью Аманды. Кассандра обнимает собеседницу, а затем направляется к нам, не сводя при этом с меня глаз.

Она кладет руку мне на предплечье.

– Мы с сестрой знаем, каково это – переживать потерю. Свяжись с нами, если вдруг захочешь поговорить. Главное в такой ситуации – держаться вместе. Жаль, что Аманда...

Я невольно киваю.

– Да, я бы очень хотела...

Кассандра награждает меня широкой, искренней улыбкой.

– Вот. – Она протягивает мне свободной рукой визитку. На белоснежном прямоугольнике резко выделяются тисненные черные буквы: КАССАНДРА МУР. И больше никакой информации, только номер телефона и электронная почта.

– Надеюсь, мы увидим тебя снова, Шэй. – Кассандра убирает руку, но я по-прежнему чувствую кожей ее тепло. И внезапно понимаю, что мне не хочется уходить.

И дело не в связи, которую я ощущаю между собой и Амандой. А в связи, которую я *хочу* почувствовать с ее друзьями.

Глава 9

Кассандра & Джейн

За время короткого знакомства с Шэй Кассандра и Джейн узнают про нее две вещи.

Она не умеет лгать; у нее краснели щеки и она избегала зрительного контакта, когда придумывала историю про ветеринара.

И у Шэй есть странная, тревожная привязанность к Аманде.

Сразу после поминок Шэй направляется в закусочную и садится за стойку. За ней наблюдает Валери, шестая и последняя участница группы – и единственная, кто не пришел на поминки.

Валери, которая была актрисой в Лос-Анджелесе, прежде чем переехать в Нью-Йорк, работает в пиар-фирме Кассандры и Джейн. Она помогает им как со множеством рабочих заданий, так и личных.

Риск, что Шэй заметит слежку, невелик. Валери – хамелеон. Сегодня на ней простое синее платье, а волосы убраны в низкий хвост. Она встает рядом с высоким барным столом, занятым группой туристов, и без труда сливается с ними.

Поначалу история Шэй про то, что у нее есть планы, кажется совершенной правдой. Но минуты идут, а к ней так никто и не присоединяется, и постепенно становится ясно: это очередная ложь. Шэй потягивает пиво, ест гамбургер и периодически поглядывает на телефон.

Примерно через час она выходит из заведения. Бармен быстро забирает подписанный ею чек, и имя разглядеть не удастся.

Она проходит тридцать восемь кварталов до дома спортивной походкой, не задерживаясь ни на секунду возле нескольких станций метро – а ведь на нем она могла бы добраться быстрее.

Еще одна любопытная деталь. Возможно, метро связано для нее с неприятными воспоминаниями об Аманде.

Она исчезает в пятиэтажном многоквартирном доме из белого кирпича.

Это тот самый дом, где, судя по отслеживающему устройству сестер, находится кулон Аманды.

Валери продолжает наблюдать за входом, но Шэй остается внутри, а вместе с ней и секреты об Аманде, которые она может хранить.

Валери поднимает телефон, чтобы сфотографировать заходящего в здание мужчину – он может оказаться соседом, от которого можно узнать полезную информацию, – когда на экране отображается входящий звонок от Кассандры.

– Я с Дафной, – начинает Кассандра.

Валери инстинктивно сжимает трубку, услышав ее тон.

– Детектив полиции оставила ей сообщение, пока мы были на поминках, – продолжает Кассандра. – Она просила Дафну позвонить и ответить на несколько вопросов.

Валери резко втягивает воздух.

– Про Аманду?

– Нет. Про мужчину по имени Джеймс, с которым Дафна ходила на свидание вслепую десять месяцев назад.

Глава 10

Дафна

Десять месяцев назад

Дафна стояла в фойе маленького итальянского ресторанчика, поправляя на шее винтажный шарфик. Неважно, какое это по счету первое свидание – в этот момент у нее всегда сводило желудок от волнения.

Она надела белоснежное шерстяное платье и ботильоны на высоком каблуке из шоурума своего бутика в Вест-Виллидж, а в обеденный перерыв ей сделали укладку.

– *Думаю, вы хорошо поладите,* – сказала Кит, клиентка, которая устроила им свидание вслепую. – *Джеймс и мой муж состояли в одном братстве в колледже, и недавно они возобновили общение. Он очень веселый парень.*

Открылась дверь, и вошел высокий, широкоплечий мужчина.

– Ты, наверное, Дафна. – Он широко улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. – Я Джеймс.

Он действительно оказался привлекательным, как и обещала Кит. К тому же, Джеймс отправлял ей такие любезные и теплые сообщения, что сегодняшний вечер представлялся многообещающим. Он сказал, что ему нравится ее имя, и предложил встретиться в удобном для нее ресторане.

– Ньюки здесь просто восхитительные, – сообщил Джеймс, пока официантка вела их к уютному столику у камина.

Еще одна располагающая деталь: большинство мужчин предложили бы встретиться, чтобы выпить. Джеймс же, казалось, хотел узнать ее получше.

– Закажем бутылку вина? – спросил он и, когда она согласилась, заказал «Пино-Гри».

Она предпочитала красное вино, но промолчала.

Пока официант наполнял их бокалы водой, Джеймс принялся рассказывать смешную историю о свадьбе его приятеля и Кит, вспоминая, как не пришел солист музыкальной группы.

– Поэтому мы все по очереди брали микрофон и пели.

– И что спел ты?

Он заразительно расхохотался. У него был чудесный смех – теплый и притягательный.

– Выкладывай!

– «Мое сердце будет биться дальше», – едва выдавил он.

– Песню Селин Дион? Да ладно!

Он пропел фальцетом первую строчку песни.

– Пожалуйста, скажи, что есть видео! – Она наконец взяла себя в руки и сделала глоток вина, которое оказалось вполне неплохим. Джеймс был очень внимателен, предложил ей попробовать свои ньюки и просил рассказать ему какие-нибудь истории про ее клиентов.

Она подумала, что это лучшее первое свидание за долгое время.

Когда он поднял бутылку вина, чтобы снова наполнить ее бокал, она сказала:

– Ой, мне совсем чуть-чуть.

– Да ладно. – Он наполнил ее бокал. – Завтра же выходной.

Когда он поставил бутылку на стол, она обратила внимание на его толстые, сильные на вид пальцы.

Ничто не насторожило Дафну во время ужина. И это – одно из самого худшего; позднее она будет снова и снова проигрывать этот вечер в своей голове и пытаться понять, что осталось для нее незамеченным. Упустила ли она какой-то намек на угрозу?

Когда принесли счет, Джеймс оплатил его так быстро, что она просто не успела вмешаться и предложить разделить сумму – галантный поступок с его стороны.

Когда они вышли на улицу, Джеймс спросил:

– Можно я провожу тебя?

На короткий момент она задалась вопросом, откуда он знает, что она живет рядом. Потом вспомнила, что он выбрал ресторан в удобном для нее районе. И, конечно, догадался, что до ее квартиры должно быть недалеко.

Он вел непринужденный разговор по дороге и даже остановился погладить пуделя, за чем с улыбкой наблюдал его владелец. Потом он взял Дафну за руку – крепко и ободряюще.

Когда они дошли до ее дома, Дафна надеялась, что он поцелует ее на прощание.

– Я прекрасно провела вечер, – сказала она, когда они дошли до ее подъезда. И посмотрела на него с легким смущением. Она была разборчивой и не целовалась с мужчиной уже несколько месяцев. – Спасибо за ужин.

Он наклонился и поцеловал ее, медленно и мягко. Она положила руки ему на плечи. Они прижали ее к себе сильнее. Поцелуй длился и длился, его язык дразнил ее губы.

Было так приятно почувствовать прикосновения. Почувствовать себя желанной.

Когда они оторвались друг от друга, она улыбнулась.

– Спасибо еще раз, – сказала она, а затем направилась внутрь.

– Слушай, – начал Джеймс, и она повернулась. – Ты не против, если я быстренько воспользуюсь твоим туалетом?

Она моргнула. Странная просьба.

– Прости, видимо, дело в последнем бокале вина, – рассмеялся он.

Как могла она отказать этому милому парню, который только что сводил ее на ужин; парню, который любит собак и открывает перед ней двери?

– Конечно.

Она почувствовала неловкость, когда они прошли мимо консьержа, Реймонда. Он поприветствовал ее, не выразив удивления, что она привела домой незнакомого мужчину, хотя раньше он никогда не видел, чтобы она возвращалась ночью с кем-то.

Возможно, Реймонд видел, как они с Джеймсом целовались; они стояли прямо у стеклянного входа.

– Доброй ночи, – сказала она Реймонду, когда они проходили мимо.

– Доброй, – добавил Джеймс, и это показалось Дафне странным – он ведь через минуту уйдет, – но, возможно, он произнес это на автомате.

Джеймс положил ладонь ей на поясницу, когда они заходили в лифт. Причем ниже, чем следует.

Дафна вспыхнула, подумав, что это может увидеть Реймонд. Она убрала руку Джеймса.

Они стояли рядом, пока лифт ехал на десятый этаж. Легкая беседа оборвалась. Джеймс смотрел прямо перед собой и больше не улыбался.

Он ожидал большего?

Они флиртовали весь вечер, но это не означало, что она хочет так скоро с ним переспать.

Она решила оставить дверь в квартиру открытой и стоять у входа. Можно жестом показать Джеймсу, куда идти – туалет был в коридоре. Потом она с ним попрощается, и он все прекрасно поймет.

Именно так Дафна и поступила. Она услышала звуки смыва, потом из крана над раковиной побежала вода – ей сразу вспомнились его сильные руки, – и Джеймс появился снова.

Она стояла наполовину в коридоре. Он не мог неверно истолковать намек.

Джеймс подошел. Она немного подвинулась, чтобы пропустить его. По-прежнему одной ногой в квартире, одной – в коридоре. Но он остановился прямо перед ней.

Теперь он тоже стоял на пороге.

Джеймс наклонился поцеловать ее. После секундного колебания она решила ему это позволить; казалось, так будет проще от него избавиться.

Но теперь она словно целовалась с другим человеком; его губы больше не были нежными, и он прижимался к ней всем телом. Она почувствовала в его дыхании запах чеснока от ньокки.

Ее клиентка Кит сказала, что ее муж недавно возобновил общение с Джеймсом. Насколько хорошо они его знали?

И тут Дафна поняла, что не слишком-то хорошо знает и саму *Кит*.

Дафна отстранилась.

– Еще раз спасибо.

Но он не двинулся.

Коридор был ярко освещен, но в квартире царил полумрак. Лицо Джеймса оказалось наполовину в тени, наполовину на свету.

– Нам обязательно расставаться?

У нее заколотилось сердце, но она заставила себя улыбнуться.

– Мне завтра рано вставать.

И тут Дафна увидела в его глазах нечто, из-за чего все ее инстинкты наконец забили тревогу, о которой лишь нашептывали с тех пор, как Джеймс попросил разрешения зайти.

– Я просто очень устала, – в ее голосе появилась тревога. – Но я тебе позвоню.

– Конечно, позвонишь. – Он по-прежнему не двигался.

Ее тело наполнил адреналин. Вокруг никого. Консьерж был на десять этажей ниже. Она молилась о звонке лифта, означающем, что приехал сосед. Но в коридоре было тихо.

Он продолжал смотреть на нее безо всякого выражения.

– Ну... – промямлила она. – Уже поздно...

Как только он прекратит блокировать дверь, она захлопнет ее и быстро повернет замок. А затем позвонит Реймонду, чтобы убедиться, что Джеймс покинул здание.

Казалось, прошла бесконечность, прежде чем он поднял ногу и вышел в коридор. Но он не повернулся к ней спиной. Продолжил стоять боком. Но хотя бы ушел с порога.

Дафна зашла обратно в квартиру и попыталась закрыть дверь.

Но его рука резко взлетела и толкнула ее в другом направлении. Дафна не успела отдернуть ладони и пошатнулась назад, потеряв равновесие на каблуках.

Это Джеймс повернул изнутри замок.

В последующие дни Дафна несколько раз брала телефон, чтобы позвонить в полицию. Но всегда опускала трубку, так и не набрав номер.

Она постоянно ощущала руки Джеймса, смыкающиеся на ее горле, пока она лежала неподвижно. Его мерзкие слова эхом раздавались в ее голове: «*Я знаю, ты любишь грубость*».

Ее единственной уликой был едва заметный синяк на шее. Она представляла, как обвинитель спросит: «*Вы просили его остановиться?*»

Получается, ее слова против его. Даже консьерж, скорее всего, заметил, что они целовались, и точно видел, как она вела его к лифту. Она знала, что судебная система не оказала помощи другим женщинам. И не верила, что справедливость восторжествует.

Однажды поздно ночью она взяла телефон и отправила Джеймсу сообщение: «*Надеюсь, ты сгниешь в аду*». А потом его заблокировала. Реакция казалась неадекватной, но она не знала, что еще сделать.

Сперва она никому не сказала. Дафна была единственным, поздним ребенком и была не слишком близка с родителями. Они не планировали заводить детей и, казалось, были не слишком ей рады, хотя она была тихой, самодостаточной маленькой девочкой.

Она пыталась забыться в долгих, утомительных пробежках вдоль Вестсайдского шоссе и начала худеть. Аппетита почти не было. Она не могла смотреть в глаза Реймонду, когда заходила в подъезд.

Потом однажды, через несколько недель после нападения, у нее в магазине прозвенел звонок. Дафна начала запираяться, когда была одна, и оставлять покупателям табличку с просьбой звонить в дверь.

Был спокойный вечер вторника, на улице стояла слякотная зима, но каким-то образом ни серый грязный снег, ни соль с тротуаров не запачкали высоких кожаных сапог двух зашедших в магазин девушек. Дафна видела их впервые в жизни, но сразу догадалась, что они сестры.

– Мы проходили мимо вашего магазина миллион раз и всегда хотели заглянуть, – заговорила Кассандра.

– Я уже вижу, что это место станет моим новым пристрастием! – заявила Джейн, проводя пальцами по стопке кашемировых свитеров.

Они провели у нее почти час, непринужденно болтая за примеркой одежды и потягивая шампанское из бокалов – Дафна выносила их для особых клиентов. Сестры вели себя куда дружелюбнее, чем большинство покупателей, заходивших к Дафне; похоже, сестры искренне хотели узнать ее поближе.

К тому моменту, как Дафна паковала их покупки в глянцевые пакеты, ей стало немного легче, словно присутствие этих теплых, энергичных, сильных женщин создавало какой-то барьер против терзавших ее эмоций.

– Мы скоро вернемся, Дафна! – пообещала Джейн, уходя.

И они вернулись, через несколько дней.

Еще примерно через неделю они пригласили Дафну выпить к Джейн домой. Это казалось естественным и спонтанным, словно продолжение их общения в магазине.

Дафна не планировала рассказывать сестрам про нападение Джеймса. Она ведь их едва знала. Но что-то в них – она даже не могла понять, что конкретно – заставило ее довериться. Казалось, они знали, что нужно сказать, чтобы добиться от нее откровенности. Когда Дафна сидела у Джейн на диване и гладила ее прелестную трехцветную кошку, Хепберн, она чувствовала себя менее одинокой.

Взгляд Кассандры потемнел.

– Джеймс преступник. Дафна, он тебя изнасиловал.

Джейн приобняла Дафну.

– Чем мы можем тебе помочь?

– Не знаю, – прошептала Дафна. – Я просто хочу, чтобы он за это заплатил.

Позднее сестры сказали Дафне, что именно в этот момент поняли – она одна из них.

Их было пятеро: сначала Кассандра, Джейн и Валери, потом присоединилась Бет – с ней Валери была знакома, потому что они жили в соседних квартирах. А вскоре после этого Бет привела Стейси.

Решение было единогласным: Дафна станет шестым членом группы.

Глава 11

Шэй

Стратегии смягчения панических атак:

- 1. Вдохните через нос, считая до пяти, задержите дыхание, считая до пяти, и выдохните через рот, считая до пяти.*
- 2. Посчитайте обратно от 100 до 0, каждый раз отнимая по 3.*
- 3. Сосредоточьтесь на четырех вещах, которые видите перед собой, трех вещах, которые можете потрогать, двух, которые можете понюхать, и одной, которую можете попробовать на вкус.*

**Попыток зайти в метро без панической атаки: 12 (успешных ноль)*

Книга Данных, страница 11

Я надеялась, что поминки Аманды подарят мне чувство завершенности и все наконец наладится.

Но все стало только хуже.

Прошло почти две недели с того момента, как я стала свидетельницей ее прыжка, но я по-прежнему не могу близко подойти ко входу в метро. Дома не лучше; Шон редко проводит время у Джоди, потому что она живет в маленькой двухкомнатной квартире с двумя другими девушками. Поэтому они всегда у нас, готовят обед или обнимаются на диване перед телевизором.

Я хожу пешком и по возможности езжу на автобусах, но иногда единственный вариант – такси, как недавно, когда автобус сломался и я опаздывала на работу. Деньги на счету тают.

География определяет мои решения: кажется, будто жизнь сжимается. На выходных вместо Бруклинского Ботанического сада, который всегда дарит мне покой, я отправилась в маленький парк неподалеку от дома. Мои любимые занятия по кроссфиту проходят в Сохо, но я начала ходить в маленький зал в соседнем квартале.

Иногда, когда я лезу в сумку, мне кажется, что я чувствую под кончиками пальцев маленькие, острые края кулона Аманды. Но оказывается, это просто крышка от гигиенической помады, или дужка очков, или неровный шов на дне сумки. Я несколько раз выворачивала сумку наизнанку, но ничего не нашла. Может, кулон до сих пор сверкает где-то там, внизу, на станции «33-я улица».

Я боюсь засыпать – знаю, что меня поджидают кошмары. После худшего из них я проснулась в поту – я бежала по платформе, отчаянно пытаюсь остановить Аманду и зная, что не успею. Протянув руку, я схватила лишь воздух – она отстранилась и, повернувшись, посмотрела на меня.

Но вместо ее лица я смотрела в собственное.

После этого я наконец взяла телефон и записалась к психологу. Хотелось бы сказать, что я выбрала ее на основе ее академических достижений или по рекомендации, но на самом деле ее услуги просто покрывает моя страховка – и до нее всего восемь минут пешком.

Первый сеанс Паула посвятила постановке целей. Я немного нервничала, когда зашла в ее маленький кабинет на 24-й Восточной улице, но потом напомнила себе, что обращаться к психологам нормально: их услугами пользуются сорок два процента американцев. Каждый пятый миллениал посещает специалиста – хотя со мной такое впервые.

Паула предложила мне поставить перед собой небольшую реальную цель и поработать над ней, и выбранная мной показалась ей выполнимой.

– Это станет неплохим первым шагом, – сказала Паула, и я улыбнулась, уверенная, что наконец встала на верный путь.

Но теперь, в начале нашего второго сеанса, я сижу и бесцельно вожу крошечными грабелями по миниатюрному саду камней, пока Паула просматривает записи с нашей последней встречи, и чувствую, что данная ей надежда испарилась.

Наконец Паула поднимает взгляд и улыбается.

– Ну хорошо. Вам удалось достичь цели и дотронуться до зеленых перил на входе в метро?

Я откладываю грабли и складываю руки на груди, потирая при этом голые предплечья.

Я знаю, что Паула на меня смотрит, но не могу поднять взгляд и качаю головой.

– Я смогла только дойти до края решетки.

Чувствую, как слова сдавливают горло.

Она записывает что-то в блокнот и затем снимает очки.

– Вы пробовали техники, которые мы обсуждали?

Я поднимаю левую руку и демонстрирую синюю резинку на запястье. Паула посоветовала щелкать себя ею изо всех сил, когда меня начнет охватывать паника. *Это отвлечет ваш разум*, пообещала она. Это был один из многих предложенных ею способов, от дневника благодарностей до преодоления фобии путем разделения ее на множество мелких шагов.

Но ничего не работает. Единственное, что хоть как-то мне помогло, – снотворное «Амбиен», купленное в сомнительной канадской интернет-аптеке. Вчера вечером я впервые его приняла. Оно подарило забытие, и я даже проспала будильник – все же лучше, чем кошмары.

Мы обсуждаем способы достижения моей цели еще немного времени.

– Может, вам стоит попробовать посмотреть фотографии метро на компьютере дома. Это может уменьшить восприимчивость. А потом попытаться пройти по решетке.

Я киваю, хотя заранее знаю, что ничего не получится. Даже при мысли об этом у меня екает сердце.

«*Что со мной происходит?*» – хочется выкрикнуть мне.

Пытаюсь подавить дрожь в голосе и спрашиваю:

– Хотела узнать, как вы считаете – когда мне должно стать лучше? На следующей неделе у меня еще одно собеседование по работе, но если меня примут, придется добираться туда на трех автобусах.

Паула закрывает блокнот, и я замечаю, как она украдкой бросает взгляд на часы на столе.

– Шэй, вы пришли сюда из-за одного конкретного происшествия, но я думаю, происходящее гораздо глубже.

Внутри все сжимается – я знаю, она права. Я пыталась осознать увиденное, проанализировав данные, переведя трагедию Аманды в сухие факты: только за этот год более двух дюжин других людей бросились под поезд в метро Нью-Йорка. Сотню пешеходов насмерть сбили машины в прошлом году, как и несколько десятков мотоциклистов. Спрыгнуть с высотного здания – четвертый по популярности способ покончить с собой в Нью-Йорке, а убийства совершаются здесь ежедневно.

Почти у каждой из этих ужасных смертей есть свидетели; я читала некоторые их комментарии в газетах. Хотя кажется очевидным, что на других это тоже должно оказать огромное влияние – как иначе? – я задаюсь вопросом, нормально ли получить такие глубокие травмы, как у меня.

«*Возможно, дело вовсе не в том, что я видела*», – думаю я, глубже вжимаясь в кресло напротив Паулы. Возможно, трагедия того душного воскресного утра и неудачи, сопутствовавшие мне до этого, просто разбудили во мне нечто, что давно ждало своего часа.

– Мне бы хотелось определить временные рамки вашего излечения, но я не могу, – говорит Паула.

– Но примерно? Недели? Месяцы? – в отчаянии спрашиваю я.

– Ох, Шэй. – Похоже, ей искренне жаль. – В терапии быстрого исцеления не бывает. Хрупкие проблески надежды улетают от меня все дальше.

Плечусь домой в легком сарафане и балетках, которые надела на работу, и надеюсь, что Шона и Джоди нет и диван окажется в моем распоряжении. Сил хватит лишь на то, чтобы приготовить в микроволновке попкорн и посмотреть какое-нибудь глупое телешоу.

Захожу в квартиру и вижу, что одно из желаний исполнено: квартира пуста.

Иду в спальню и скидываю сарафан. Достāju шорты из корзины со свежевystиранной одеждой, но тут понимаю, что я была в них в день смерти Аманды, и меня начинают одолеваеть сомнения.

Но с этим испытанием я справлюсь. Натягиваю их на себя.

Карманы скомканы после стиральной машины, и, направляясь на кухню за минеральной водой, я машинально начинаю расправлять их.

Мои ноги резко останавливаются.

Я несколько раз проверила сумку, перетрясла ее, прощупала швы. Но мне ни разу не пришлось в голову заглянуть в карманы одежды, которая была на мне в тот день.

Медленно вытаскиваю правую руку, заранее зная, что увижу.

Он был здесь все время, в нескольких метрах от меня. Ждал, пока я найду его.

Если бы я избавилась от этих шорт, чтобы избежать напоминаний, то никогда бы его не обнаружила.

Кулон оказался тяжелее, чем я помнила. Возможно, потому что для меня он словно несет груз всех тех эмоций, что я испытала с того момента, как подобрала его.

Видимо, я засунула его в карман вскоре после того, как Аманда подошла к краю платформы и я услышала свист приближающегося поезда.

Это было последним, что я сделала, прежде чем все изменилось.

Мои легкие словно зажимают в тиски.

Я смотрю на золотую цепочку с кулоном в форме солнца, свисающую между пальцами.

Теперь я точно знаю: он принадлежал Аманде.

Глава 12

Кассандра и Джейн

Сестры украдкой выискивают подробности жизни Шэй – прочесывают Интернет в поисках ее малейших цифровых следов, восстанавливают ее распорядок дня, изучают ее контакты и копаются в ее прошлом.

Из аккаунта на «Линкд-ин» они узнают, что Шэй сменила три места работы с тех пор, как закончила Бостонский университет, и сейчас подрабатывает в юридической фирме на Уолл-стрит. Изучив ее профиль на «Фейсбуке», выясняют, что у ее лучшей подруги Мел недавно родился ребенок и что та живет в Бруклине.

Еще больше они узнают во время слежки за Шэй – например, что она любит фалафель из греческого ресторана в нескольких кварталах от дома и тренируется почти каждый день.

– Ее сосед, Шон, состоит в серьезных отношениях, – сообщает Стейси, проследив за Шоном до бара, где он встретился с девушкой. – Он пытается основать свою компанию, которая будет оказывать поддержку в подготовке к поступлению в колледж.

Их исследование охватывает и семью: ее мать, Джеки, не стесняется выкладывать в «Инстаграм» фотографии себя в бикини, а отчим занимается в свободное время своим автомобилем «Форд Мустанг».

Но сестры по-прежнему не знают одного: как загадочная женщина, которая явно избегает даже приближаться ко входу в метро, связана с Амандой.

– Родственницей она быть не может, иначе подошла бы к матери Аманды на похоронах. И близкой подругой тоже, потому что та даже не была записана у нее в контактах, – говорит Кассандра.

Больше жизни двух женщин никак пересекаться не могли. Они не выросли в одном городе и не ходили в один колледж.

– Они жили по соседству, – говорит Кассандра Джейн, когда такси, нанятое на вечер, подъезжает ко входу в галерею искусств в Челси. – В шести кварталах друг от друга.

Сестры осторожно подбирают слова на случай, если водитель подслушивает: никаких имен или опознавательных деталей.

– Это еще не значит, что они встречались. Нью-Йорк – город незнакомцев. – Джейн ведет беседу легким тоном, словно они сплетничают о знакомых. – Ты знаешь имена всех, кто живет в твоём доме? Или ходит с нами на йогу?

Кассандра согласно кивает, пока водитель открывает заднюю дверь.

Шэй беспокоит сестер даже сильнее детектива полиции, которая связалась с Дафной и спрашивала о ее свидании с Джеймсом.

Звонок застал Дафну врасплох, но сестры хорошо натренировали ее, и Дафна прекрасно владела собой во время короткого допроса полиции.

Дафна сказала детективу, женщине по имени Марсия Сантьяго, что она ходила на одно свидание с Джеймсом прошлой осенью. Он показался ей симпатичным и обаятельным. Встреча закончилась романтическим вечером у нее дома.

Затем последовал коварный вопрос: *Зачем вы отправили агрессивное сообщение мужчине, который вам понравился?*

Дафна дала заранее отрепетированный ответ: *Он так и не позвонил, хотя обещал. Я была расстроена.*

Детектив Сантьяго пристально посмотрела на нее, и это был долгий, тревожный момент. Потом закрыла свой блокнот со словами: *У меня могут возникнуть дополнительные вопросы.*

Это было две недели назад. Больше с ней не связывались.

Причин переживать, что полиция продолжает расследовать связь Дафны с Джеймсом, нет.

Кассандра и Джейн благодарят водителя, выходят из машины и направляются ко входу в галерею.

Нежный воздух раннего сентября ласкает плечи Кассандры, которые облегающий красный топ оставляет открытыми. На ней также мягкие кожаные легинсы и босоножки на высоком каблуке. Платье Джейн подчеркивает ее фигуру – песочные часы, а тонкие браслеты из золота и платины звенят, когда она тянет за ручку двери.

В галерее проходит открытие выставки молодой перспективной художницы Уиллоу Танака, которая работает в смешанной технике – сестры являются ее представителями. Информация о ней была напечатана в последнем номере журнала «Нью-Йорк».

Все поворачивают головы, когда сестры заходят внутрь – расправив плечи и с сияющими улыбками. В этом образованном, изысканном обществе они чувствуют себя как рыбы в воде: знают, какую надеть одежду, как правильно есть устрицы, предложенные официантом, и как вежливо уклониться от бесполезных разговоров.

Увидев в этот момент Кассандру и Джейн, никто бы никогда не догадался о некоторых деталях их биографии. Их отец умер, когда Джейн была еще младенцем. Мать едва сводила концы с концами. Девочки ходили в обносках и часто на ужин, сидя перед телевизором, ели бутерброды с арахисовым маслом.

Но у сестер есть кое-что, чего не купишь за деньги. То, что тверже упорства и сильнее целеустремленности. Это помогло Кассандре и Джейн отучиться в колледже, когда они вместе выживали за счет стипендий, займов и подработок, и привело их к жизни в одном из самых блистательных городов мира, которой можно только позавидовать.

Кассандра берет у официанта бокал шампанского и смотрит на коллаж, висающий на стене, стоимостью семнадцать тысяч долларов.

На полотне, одном из пятнадцати представленных, изображена кромка воды. Бурные, пенистые волны разбиваются о серую гальку под холодным небом. Картина изысканная, но в то же время уверенная и сильная – во всяком случае, на первый взгляд.

Когда они увидели работы Уиллоу в ее маленькой квартирке, пропахшей скипидаром, которая также служила ей студией, то были очарованы. Мазки краски она перемежала любопытными объектами: пером, клавишей печатной машинки, высушенным грибом.

Сейчас Уиллоу стоит всего в нескольких метрах от них и говорит с перспективным покупателем. Художница неотразима, как и ее творения: пепельно-белое каре контрастирует с толстыми красными стрелками на глазах и черным платьем.

– Эта – одна из моих любимых, – говорит Кассандра сестре, указывая на картину с горами Кисо.

В коллаже скрыты глаза рыбы фугу, цветок олеандра и ртутный столбик от термометра, и все так безупречно вписывается в мазки, что глазу не сразу удается их отыскать.

Как и во всех работах Уиллоу, на первый взгляд несопоставимые элементы объединяет общий знаменатель: они все связаны со смертью. Даже клавиша – из машинки серийного убийцы.

Но без соответствующей информации элементы кажутся безобидными.

«Возможно, из этого можно вынести определенный урок», – думает Кассандра. Они собрали факты про Шэй. Но им не хватает какого-то скрытого элемента, который объединит все разрозненные части.

Шэй тоже кажется безобидной. Но так ли это?

Мысли Кассандры прерывает Уиллоу, которая спешит их обнять.

– Поздравляю, – говорит Джейн, поднимая свой бокал с шампанским и протягивая еще один Уиллоу. – Сегодня твой триумф.

– Восторженный отзыв в «Таймс» гарантирован, – говорит Кассандра.

Сестрам хочется насладиться моментом, но тревожный звук сообщений от Валери – который отличается от сигнала, установленного на остальные контакты, – раздается на телефонах у них обеих.

Сегодня Валери следит за Шэй – точнее, за датчиком в кулоне, который Шэй каким-то образом получила от Аманды.

Кассандра и Джейн друг на друга не смотрят, но между ними пульсирует энергия. Кассандра бормочет извинения Уиллоу, пока Джейн отворачивается и достает телефон из сумки. Раздается сигнал от второго сообщения.

Шэй только что вышла из квартиры с кулоном.

Потом: Она идет в сторону центра. Я в 20 минутах. Возьму такси.

Когда Кассандра заглядывает в телефон через плечо Джейн, приходит новое сообщение: *Она прошла «Старбакс» и идет к метро.*

Именно такой путь проделала Аманда в последний день своей жизни.

Сестры направляются к выходу – по пути здороваются со знакомыми, ставят бокалы с шампанским на пустой столик, с улыбкой уворачиваются от мужчины, вставшего у них на пути с улыбкой на лице, – не останавливаясь, но и не создавая впечатления, будто они спешно убегают из галереи.

Почему теперь, спустя столько дней после смерти Аманды, Шэй вытащила кулон? И, что гораздо важнее, куда она его несет?

Они почти добираются до выхода, когда Джейн на плечо опускается рука.

– Дорогие мои! Неужели уже уходите? Вечер только начался!

Это Оливер, владелец галереи и еще один человек, помимо Уиллоу, от которого не могут отмахнуться Кассандра и Джейн. Когда сестры только начинали, они потратились на абстрактную картину, чтобы повесить ее при входе в офис. Им продал ее Оливер, и, будучи очарован сестрами, объявил: «Я стану вашим сказочным покровителем!»

Оливер, худой британец, устраивает роскошные, но непринужденные ужины в тесном кругу, собирая самых значимых людей в городе. Помимо Уиллоу, он познакомил сестер еще с двумя хорошими клиентами.

– Пойдем, – командует он, жестом указывая в сторону толпы, – я должен вас кое с кем познакомить!

Телефоны сестер снова издают одинаковые звуки. Они едва различимы среди шума многочисленных голосов в галерее. Но сестры слышат только их.

Джейн глубоко вздыхает. Рука Кассандры сильнее сжимает ручку сумочки.

Еще один сигнал. Сестры чувствуют тревогу, не только собственную, но и друг друга.

– Мне очень жаль, но нам нужно спешить, – говорит Оливеру Джейн.

– Боюсь, мне нехорошо. – Кассандра кладет ладонь на живот. С ее лица схлынула краска, подтверждая сказанное.

– Бедняжка, иди отдыхай, – с этими словам Оливер посылает им воздушные поцелуи.

Наконец им удается беспрепятственно покинуть галерею.

Сестры достают телефоны и читают новые сообщения от Валери:

Я на 49-й улице. Только что видела, как Шэй переходит дорогу.

Вы где??

Потом: Вышла из такси. Я прямо за ней.

Джейн звонит водителю и просит забрать их как можно скорее.

Кассандра пишет Валери: *Мы в Челси, спешим к тебе.*

– Ну же! – говорит Джейн, шагая туда-сюда по тротуару и высматривая водителя. Но движение затруднено – только заканчивается час пик, – и машины не видно.

Неужели Шэй играла с ними, изображая скромность и тихую жизнь?

Она может уничтожить все, что построили сестры.
Приходит последнее сообщение.
Джейн хватается за руку, а Кассандра шепчет: «Нет».
Она зашла в полицейский участок.

Глава 13

Шэй

Одиночество распространяется, охватывая все больше людей, словно вирус. В наши дни около 40 процентов американцев признаются, что постоянно чувствую себя одиноко, – примерно в два раза больше по сравнению с 20 процентами в 1980-е. Один из опросов показал, что самые одинокие – представители поколения «Зет» (рожденные с 2001 года по наши дни), за ними следуют миллениалы (рожденные с 1980-го по 2000-й, мое поколение).

Книга Данных, страница 15

Раньше я никогда не была в полицейском участке, но телевизор меня неплохо подготовил: две жесткие на вид скамейки вдоль стен коридора, протертые квадратики линолеума на полу и офицер в униформе за стеклянной перегородкой.

Он не сводит с меня взгляда, пока я приближаюсь к нему, но ждет, пока я заговорю первой.

– Я Шэй Миллер. Я говорила сегодня с детективом Уильямс, и она просила передать ей это.

Я лезу в сумочку за белым конвертом с кулоном Аманды. Я подписала его «Детективу Уильямс», чтобы кулон не потерялся во второй раз.

Я уже собираюсь просунуть его в отверстие под стеклом, когда офицер говорит: «Подождите», – и тянется к телефону. Он слегка отворачивается, и разговора я не слышу.

Потом кладет трубку и снова поворачивается ко мне.

– Детектив Уильямс скоро выйдет.

– А.

Из нашего разговора я поняла, что мне нужно просто занести кулон, чтобы она могла вернуть его семье Аманды. Но, возможно, она хочет забрать его лично.

Я оборачиваюсь и смотрю на длинные, исцарапанные деревянные скамейки. Они привинчены к полу.

Еще секунду стою на месте, а потом подхожу к ближайшей скамейке и сажусь на край, продолжая держать в руках конверт. Я чувствую металлическую цепочку и замысловатое украшение сквозь тонкую бумагу.

Прежде чем позвонить детективу Уильямс, я долго вглядывалась в кулон. Он по-прежнему напоминал мне ослепительное солнце, чьи лучи расходятся во всех направлениях. Золото крепкое, но изысканное. Он кажется дорогим, и я подумала, что семья Аманды может захотеть получить его обратно на память.

Я заметила еще кое-что: цепочка была порвана.

Возможно, именно поэтому она упала с шеи Аманды в метро. Но по дороге в участок мне в голову пришла и другая возможность: кто-то мог сорвать кулон у нее с шеи. Или она могла сделать это сама.

– Шэй?

Я поднимаю взгляд и вижу, что из двери выглядывает детектив Уильямс. У нее темная кожа и короткое афро. Она одета в аккуратный голубой брючный костюм – когда я увидела ее впервые, на ней был похожий серый, – и у нее такое же бесстрастное выражение лица, как когда она допрашивала меня на платформе метро после самоубийства Аманды.

– Пожалуйста, пройдемте со мной, – мягко говорит она.

Я хмурю брови. Что еще ей от меня нужно?

Она ведет меня по коридору, вдоль которого тянутся несколько маленьких пустых комнат – наверное, там допрашивают подозреваемых, – после чего мы выходим в открытую зону со столами и стульями. Пахнет картошкой фри, и я замечаю пакет из «Макдоналдса» на столе офицера, который одновременно ест и заполняет бумаги.

– Садитесь, – говорит она и показывает на стул. Это могло бы быть приглашением, но из-за тона звучит почти как приказ.

Она обходит стол и садится напротив меня. Пододвигает стул ближе, медленно и осторожно.

Когда она достает из верхнего ящика блокнот и ручку и начинает пристально смотреть на меня своими непроницаемыми карими глазами, во рту становится сухо.

Я не могу избавиться от чувства, что попала в беду.

Детектив ведь не может подозревать, что я как-то связана со смертью Аманды. Или может?

Она открывает блокнот на первой чистой странице.

– Расскажите еще раз, как вы поняли, что кулон принадлежал Аманде Эвингер.

– Я увидела фотографию на ее поми...

И тут до меня доходит: должно быть, детектив Уильямс не понимает, зачем я отправилась на поминки незнакомого человека.

«Я не сделала ничего противозаконного, – лихорадочно думаю я. – Просто оказалась в неудачном месте в неудачное время».

Но я держу сломанный кулон, который принадлежал Аманде, и я была рядом, когда она прыгнула с платформы. Когда я потянулась к ней, пытаясь удержать, не мог ли кто-то подумать, что я ее толкнула?

Я переживаю, что учащенное дыхание можно принять за доказательство моей вины. Детектив Уильямс ждет. И не говорит ни слова.

– Знаю, звучит странно, – признаю я. – Я просто почувствовала с ней эту... эту связь, потому что была там прямо перед тем, как... – Мне едва удается выдать эти слова. – Вот и все. Я пошла отдать дань уважения.

Детектив записывает что-то в блокнот. Мне отчаянно хочется разглядеть, что именно, но я не могу прочитать крошечные, неровные буквы – тем более вниз головой. Кажется, у нее на это уходит целая вечность.

Она снова поднимает голову. Не уверена, что она верит хоть одному моему слову.

– Откуда вы узнали про поминки?

Внутри все сжимается. Я сама себя закапываю все глубже и глубже. Верхняя губа и брови потеют. Сердце бьется так часто, что мне кажется, детектив Уильямс может видеть его пульсацию сквозь мою футболку – словно это еще одна улика в деле, которое она, возможно, готовит. Сомневаюсь, что невинные люди так паникуют.

– Мне нужен адвокат? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Она хмурится.

– Почему вы так думаете?

Я поправляю очки и сглатываю.

– Понимаете, я просто... Я нашла ее адрес, когда узнала от вас ее имя. Мне хотелось узнать что-то о ней, и она жила неподалеку. Поэтому я купила цветок и оставила возле двери ее дома. Там я и увидела объявление о поминках.

Интересно, знает ли уже детектив про оставленную мной желтую циннию и про мою ложь на поминках касательно обстоятельств нашего с Амандой знакомства.

Детектив Уильямс смотрит на меня долгим, пристальным взглядом.

– Может, хотите рассказать мне что-нибудь еще? Вы по-прежнему ходите к ее квартире? Качаю головой.

– Нет, это был единственный раз, – говорю я, почти плача. – На этом все, я клянусь.

Она закрывает блокнот и протягивает руку. На мгновение мне кажется, что она хочет взять меня за руку, но ей просто нужен конверт. Я отдаю его, заметив, что теперь он мятый и влажный от моих потных ладоней.

– Пока мне больше ничего не нужно, – говорит она, вставая.

Я делаю то же самое, ноги подкашиваются от облегчения.

Пока мы идем по коридору, детектив Уильямс задает мне еще один, последний вопрос:

– Похоже, все это вас глубоко потрясло. Вам есть с кем поговорить?

«Нет, не с кем», – думаю я час спустя, сидя напротив пустого стула за столиком на двоих в моем любимом греческом ресторане в нескольких кварталах от дома.

По дороге из полицейского участка я купила упаковку из шести банок «Блю Мун» – любимого пива Шона, которое нравится и мне. Мне казалось, он говорил, что Джоди куда-то уехала, и я надеялась застать его в одиночестве.

Доставая карту для оплаты, я наткнулась на визитку Кассандры Мур.

– Ой, я забыла апельсин, – сказала я кассиру и побежала за фруктом. Мы всегда пили «Блю Мун», засунув в банку дольку цитруса для дополнительного вкуса – как-то раз один бармен подал нам его в таком виде.

Мне стало любопытно происхождение этой традиции, и вот что удалось выяснить: основателю компании пришла в голову эта идея, когда он увидел, как бармены подают пиво с лимонными дольками. Хотя американцы больше не пьют столько пива, как раньше, за последние годы потребление «Блю Мун» выросло почти вдвое. Заменяя фрукт, основатель закрепил за брендом четкую ассоциацию.

Взяв у кассира пакет, я представила, что мы с Шоном будем сидеть на диване и болтать, как раньше. Шон – добрый и рассудительный. Он меня не осудит. И попытается помочь.

Но когда я открыла дверь в квартиру, то услышала смех. Под скамейкой стояли серебряные босоножки Джоди – и две другие пары обуви, которые я раньше никогда не видела.

– Хочешь сангрии? – предложил Шон, представив меня другой паре в нашей гостиной. – Джоди приготовила. Мы решили немного выпить перед тем, как пойдем ужинать.

– Тут всем хватит, – добавила Джоди. Но ее тон не слишком соответствовал словам. Я посмотрела на симпатичный стеклянный кувшин и розовые коктейльные салфетки с золотой надписью: «ЗАЧЕМ ОГРАНИЧИВАТЬ СЧАСТЬЕ ЧАСОМ?»

– Спасибо, – бодро отозвалась я. – Я бы с удовольствием, но у меня тоже планы.

Потом я засунула пакет с пивом и всем остальным в холодильник и ушла как можно скорее.

Три недели назад я ужинала в том же самом греческом ресторане, где сижу сейчас.

Тогда помещение казалось теплым и приветливым. Это местечко содержит одна семья, и Стив, глава семейства, принес мне в качестве комплимента второй бокал вина, как он иногда делает для постоянных клиентов. Он спросил меня про книгу Малкольма Гладуэлла, которую я читала с телефона, и я рассказала про описанное Гладуэллом правило десяти тысяч часов: человеку нужно посвятить чему-то десять тысяч часов, чтобы овладеть навыком в совершенстве. Стив пошутил, что, поскольку его рецепты перешли к нему от прабабушки, они исполнили «правило века». Я согласилась с ним, запустив вилку в горячий, пряный фалафель.

Я засиделась, приятно убаюканная разговорами, доносившимися от окружающих столиков.

Сегодня я ем то же блюдо, пью то же недорогое белое вино и сижу примерно в том же месте.

Еще одна запись из моей Книги Данных: число взрослых людей, которые постоянно едят в одиночестве, составляет от 46 до 60 процентов. Некоторые исследования показывают, что

прием пищи в одиночестве ассоциируется с несчастьем сильнее, чем любой другой фактор, кроме психического заболевания.

Раньше это меня никогда не волновало.

Яковыряюсь в тарелке с фалафелем и соте из шпината, которые обычно ем с аппетитом, и думаю, ушли ли уже Шон и Джоди с другой парой. Мне хочется одного – принять таблетку «Амбиена» и лечь под одеяло.

Я уже собираюсь попросить официантку упаковать мне еду с собой и принести чек, когда мимо меня проносится какая-то женщина с криками: «Простите! Простите!»

Оборачиваюсь и вижу, как она садится за столик к четырем подругам, обняв перед этим каждую по очереди. Им всем лет по сорок, и, похоже, они очень близки.

– Не волнуйся, я уже заказала тебе водку с тоником и двойным лаймом, – говорит одна.

– Ты лучшая, – отвечает ей опоздавшая.

Они продолжают весело болтать, их головы наклонены друг к другу, слышатся громкие голоса и теплый смех.

Официантка приносит мне чек, и на этот раз вместе с картой я достаю визитку Кассандры.

В голове проносятся воспоминания с поминок – как три подруги рассматривают фото Аманды, обнявшись; бостонский акцент одной из них; ямочка на щеке улыбнувшейся мне Джейн; тепло руки Кассандры на моем голом предплечье, когда она предложила звонить ей в любое время.

В голове эхом раздаются слова Кассандры: *Главное в такой ситуации – держаться вместе.*

Я не ценила то, что имела: парня из колледжа, который хотел на мне жениться; Мел, которая плюхалась ко мне на кровать, когда мы болтали; даже коллег с последней работы, которые собирались в баре по четвергам на «счастливый час».

Один за другим все они ускользнули.

Провожу пальцами по тисненым буквам имени Кассандры.

В тот вечер Джейн пригласила меня выпить с ними.

Я готова отдать что угодно, чтобы вернуться назад и изменить мой ответ на «да».

Глава 14

Шэй

Согласно исследованиям, 60 процентов очевидцев самоубийства невольно вспоминают о произошедшем. У 30 процентов при напоминании о случившемся возникает физическая реакция, в том числе потливость, тошнота и затрудненное дыхание. Почти 100 процентов сказали, что этот опыт оказал значительное влияние на их жизнь.

Книга Данных, страница 17

Как обычно в дни работы я готовлю себе на завтрак смузи с бананом и миндальным маслом и ухожу из квартиры в восемь утра. У меня в сумке лежит обед – сэндвич с индейкой, яблоко и соленые крендельки. Я перестала ходить к Пауле, потому что ее сеансы стоят дорого даже со страховкой, но пытаюсь делать кое-что из того, что она посоветовала. На прошлой неделе мне даже удалось наполовину спуститься в метро – на станции рядом с работой.

Джоди дала мне номер агента по найму, который, по ее словам, помог ее брату.

Я поблагодарила ее за помощь, но подозреваю, мотивы Джоди не до конца альтруистичны. Уверена, она мечтает, чтобы меня почаще не было дома и квартира оставалась в их с Шоном полном распоряжении.

К тому же несколько дней назад Джоди убиралась у нас на кухне – она профессиональный организатор пространства, и с ее появлением у нас стало куда аккуратнее – и достала из ящика маленькое полотенце с логотипом забега с препятствиями «ТАФ МАДДЕР 10 МИЛЬ».

– И кто из вас, психов, принимал в нем участие? – спросила она, помахав полотенцем в воздухе.

Что-то покорило меня, заставив смолчать.

Но Шон выпалил:

– А мы вместе. Прошлым августом, да, Шэй? Ох, это было жестко.

– Но мне каким-то образом удалось героически доковылять до палатки с пивом, – пошутила я.

Джоди выдала свой фирменный звонкий смешок. Но по ее лицу пробежала тень. Она продолжила убирать кухню, выкинув неиспользованные палочки от еды навынос и миндальное молоко, которое пили мы с Шоном – сама Джоди предпочитала смесь из молока и сливок, – хотя я только что пила из упаковки и знала, что оно еще не закончилось.

Я нашла предлог уйти с кухни – за последнее время я мастерски овладела этим искусством. Но, даже закрыв за собой дверь в спальню и избавившись таким образом от вида Джоди, протирающей теперь уже пустую столешницу, не могла отделаться от ощущения, что я очередной мусор, который она хочет выкинуть.

Вскоре после этого Джоди дала мне контакты агента по найму.

Я планирую позвонить ему во время обеденного перерыва.

По дороге к остановке я замечаю произошедшую с городом перемену: начался сентябрь, и Манхэттен, который пустеет в августе, снова полон людей. Люди со стаканчиками кофе и наушниками в ушах спешат по тротуарам, а маленькие дети с новыми на вид рюкзаками идут за руку с родителями и нянями в школу.

Воздух – густой и теплый, а небо серое, набухшее очередной осенней грозой. Чувствую, как на затылок падает капля, и решаю вернуться за зонтиком.

И вижу ее.

Светло-каштановые волосы свободно падают на плечи, а зеленое платье в горошек плавно покачивается на ходу.

Аманда.

Я не могу дышать, думать, двигаться. А потом начинаю идти за ней, словно между нами натянута нить.

Это не она, твержу я себе, пытаюсь побороть наполнивший тело ледяной страх. Но я столько раз видела это платье в кошмарах. Оттенка зеленого винограда; простой приталенный фасон. Оно точно такое же.

У двух девушек в Нью-Йорке могут быть одинаковые платья. Но каковы шансы, что у них будут одинаковый цвет волос, одна и та же прическа и одинаковое телосложение? Что-то не сходится.

Дыхание перехватывает, но я не останавливаюсь. Я не могу упустить ее из виду. Платье в горошек – как знамя в толпе темных костюмов и дождевиков, и оно ведет меня за угол.

К станции метро «33-я улица».

«Может, это сон? – лихорадочно соображаю я. – Один из кошмаров, что кажутся такими правдоподобными даже после пробуждения?»

Изо всех сил щелкаю резинкой на руке. Чувствую боль. На меня падает несколько легких капель дождя, и я чувствую аромат блинчиков из ларька на углу. Все настоящее.

Значит, и она тоже.

Все вокруг вращается и движется, но я продолжаю идти вперед, почти шатаюсь, глядя только на нее, словно она единственный в этом городе человек.

Она продолжает идти вперед, не оборачиваясь. Не спешит, но не останавливается, ее походка равномерна, как метроном. Я на четверть квартала позади, и хотя могла бы ее догнать, мысль о том, чтобы заглянуть ей в лицо, меня ужасает.

Дождь начинает усиливаться, капли покрывают очки и ухудшают видимость. Я подношу руку к глазам и смахиваю воду.

Она уже совсем близко ко входу в метро.

Я вижу впереди зеленый столб и ступени, ведущие в темноту. Ускоряю шаг и поскальзываюсь на влажном тротуаре. Взмахнув рукой, удерживаю равновесие и продолжаю путь. Вокруг начинают раскрываться зонты, и я теряю ее из вида.

Куда она пошла? Кручу по сторонам головой, пытаюсь вновь отыскать ее. И вижу.

Она делает первый шаг вниз по ступеням.

– Стой! – пытаюсь прокричать я, но слова застревают в горле. Раздается лишь хриплый шепот.

Я хватаюсь за столб метро, перед глазами все плывет. Я хочу побежать за ней, оттащить ее. Но тело предает меня, отказываясь работать. Я снова словно застыла в цементе. Полностью обездвижена.

По щекам струятся слезы, смешиваясь с дождем. Одежда прилипла к телу. Люди проходят мимо, спеша укрыться в метро.

Теперь она почти совсем исчезла. Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на нее в последний раз, прежде чем ее проглотит дыра.

Ушла.

Я начинаю часто дышать, громко и судорожно. Съеживаюсь, закрыв руками уши, не в состоянии сделать хоть что-нибудь – остается только ждать скрежета поезда метро.

И вдруг дождь резко заканчивается.

Кто-то стоит рядом со мной и держит над нами большой дождь.

Я поворачиваю голову и моргаю, и зрение проясняется. Я вижу ту, кто стоит рядом со мной.

Кассандру Мур.

– Я... Я... – запинаясь я.

Рядом с Кассандрой ее сестра, Джейн, она смотрит на меня с таким же встревоженным видом.

– Шэй, – низким хриловатым голосом говорит Кассандра, – ты в порядке?

Это кажется почти чудом: единственные два знакомых мне человека, кто также знал Аманду, стоят сейчас рядом со мной.

Кассандра поддерживает меня за локоть. Ее глаза – карие с золотыми крапинками, как у тигра, – наполнены заботой и добротой.

– Аманда, – выдыхаю я. – Я... Я только что ее видела. Она зашла в метро.

Я показываю рукой на лестницу, но сестры не сводят с меня взгляда.

– Кто? – спрашивает Кассандра.

– Аманда? Это невозможно... – говорит Джейн.

– Прошу, – умоляю я. – Может кто-нибудь пойти и проверить?

– Шэй... – начинает Джейн, но ее прерывают мои всхлипы.

– Мы должны ей помочь, – шепчу я.

Кассандра смотрит на меня, не мигая. А потом делает нечто необычное.

– Жди здесь, – говорит она и протягивает мне зонт. – Пойду посмотрю.

Я наблюдаю, как она быстрым шагом сбегает по лестнице, и ее голые ноги сверкают под маково-красным дождевиком.

И слышу вдалеке грохот приближающегося поезда.

«Скорее», – думаю я, даже осознавая невозможность увиденного.

– Может, это был просто кто-то похожий на Аманду? – спрашивает Джейн.

Я качаю головой. Зубы стучат.

– Она выглядела точно так же – клянусь, я ее видела... я уверена... Но как это возможно?

Я стою под зонтом Кассандры, и внутри все сжимается, когда раздается лязг тормозов. Но потом, через несколько секунд, я слышу, как поезд отъезжает от станции, и грохот колес становится все слабее.

Ничего не произошло. Это была обыкновенная остановка.

Я уже почти сомневаюсь, что происходящее *вообще* реально, и подозреваю, что меня предал собственный разум. Но Джейн по-прежнему стоит рядом со мной, мои юбка и топ промокли насквозь, и я сжимаю гладкую деревянную ручку огромного зонта Кассандры.

Кассандра возвращается, поднимаясь по ступеням – сначала показываются блестящие черные волосы, потом сильные, симметричные черты лица и, наконец, стройная фигура.

– Все в порядке, Шэй. – Она кладет ладонь мне на предплечье, прямо как на поминках. Ее прикосновение – единственный источник тепла для моего тела. – Я не видела там никого, похожего на Аманду.

– Ты уверена? – отчаянно спрашиваю я. Но сердцебиение замедляется. Сестры помогают мне успокоиться.

Я замечаю, как Кассандра переглядывается с Джейн, а потом качает головой.

– Сомневаюсь, что я могла ее упустить. Она могла сесть на поезд прежде, чем я спустилась?

Невозможно: за это время прошел всего один поезд.

Я снова пытаюсь рассказать об увиденном. Но прежде чем перейти к описанию платья в горошек, я осекаюсь. Да, я вполне могла заметить девушку, напоминающую Аманду. Но в точно такой же одежде? Меня сочтут сумасшедшей – особенно если учесть, как я сейчас выгляжу: насквозь мокрая, с растрепанными волосами, прилипшими к лицу. Поэтому я просто киваю.

– Наверное, вы правы, – сглатываю я. – Простите... Сама не понимаю, что случилось...

Кассандра берет меня под руку.

– У нас отменилась утренняя встреча. Ты спешишь?

– Мы собирались попить чаю, – добавляет Джейн. – За углом есть маленькое кафе. Пойдем с нами?

Я изумленно смотрю на них. После произошедшего зачем им моя компания?

Это больше, чем акт доброты. Это словно настоящий подарок.

Каковы были шансы столкнуться с сестрами Мур именно при таких обстоятельствах; шансы, что они и Аманда снова войдут в мою жизнь? Кажется, никаких. Но они здесь.

Я опаздываю на работу, но все равно киваю. Позвоню в офис и спишу все на непредвиденные обстоятельства, а вечером наверстаю.

Я не могу отказаться от их приглашения во второй раз.

Глава 15

Кассандра & Джейн

Шэй – дрожащая, разбитая и растерянная – сжимает руку Кассандры, пока сестры ведут ее по туманной и сырой улице в сторону кафе.

Официантка пытается усадить их возле окна.

– Можно мы займем отдельную кабинку? – спрашивает Кассандра. – Там уютнее, а наша подруга промокла насквозь.

А еще там более уединенно. Они не единственные посетители в этом роскошном заведении.

Официантка отвечает улыбкой на улыбку Кассандры.

– Конечно.

Когда Шэй садится, Кассандра снимает дождевик и набрасывает его ей на плечи.

– Тебе, наверное, холодно под этими кондиционерами. Хочешь что-нибудь поесть?

Шэй качает головой, и Кассандра садится напротив нее, рядом с Джейн.

Через несколько минут, с сухим плащом на плечах и дымящейся чашкой ромашкового чая в руках, Шэй перестает дрожать.

Но она все еще кажется хрупкой и потрясенной – именно такой, как хотели сестры. В таком состоянии люди чаще выдают секреты.

– Должно быть, ты очень скучаешь по Аманде, – мягко начинает Джейн. – Я тебя понимаю. Мы тоже постоянно о ней говорим.

Шэй опускает взгляд на свою чашку. Несмотря на холод, ее щеки розовеют.

– Эм, на самом деле...

Кассандра напрягается всем телом. Джейн сидит на самом краешке скамьи, вцепившись ногтями в деревянное сиденье. Но лица сестер остаются бесстрастными. Шэй должна чувствовать себя в безопасности, и не надо ее подгонять.

– Не знаю, почему меня так потрясла ее смерть. – Шэй хочет сказать что-то еще, но поднимает кружку и делает глоток.

Кассандра выдыхает, так медленно и мягко, что не издает ни звука. Джейн остается неподвижна. Шэй вот-вот расскажет что-то важное; они боятся перенаправить разговор в неправильную сторону.

Шэй не сводит глаз с чашки. Сестры ждут, не решаясь даже украдкой глянуть друг на друга.

– Мы с Амандой не были подругами, – шепчет Шэй. – Если честно, я вообще ее не знала.

Ни одна из сестер не реагирует, что стоит обеим неимоверного напряжения, учитывая, что из них словно выбили дух. Если это правда, то как Шэй узнала адрес Аманды? Зачем положила у двери цветок? И почему ее так глубоко затронула смерть Аманды?

Очевидно, Шэй чувствует себя виноватой; она почти сжалась в комок. Это потому что она снова лжет?

Похоже, ставки высоки как никогда. Возможно, это единственный для сестер шанс получить ответы. Одно неверное движение – и Шэй закроется или убежит.

– Да? – едва слышно реагирует Кассандра. – Но ты сказала, вы ходили в одну ветеринарную клинику?

Измученные глаза Шэй поднимаются и встречаются со взглядом Кассандры. Потом Джейн.

Шэй кивает.

– Да, хм, я видела ее там раз или два, но на поминки я пришла не поэтому... Дело в том, что я стояла рядом с Амандой на платформе, когда она... когда она умерла. Я не могу

выбросить ее из головы... Постоянно о ней думаю. И задаюсь вопросом, зачем она совершила подобное...

Шэй откидывается назад и выглядит так, словно ждет выговора.

Тело Кассандры немного расслабляется. Джейн отпускает скамейку.

Шэй просто оказалась в неудачное время в неудачном месте. Сестры начинают лихорадочно соображать, собирая все воедино.

– Ох, Аманда страдала от депрессии всю свою жизнь, – мягко говорит Джейн.

Шэй кивает.

– А как ты узнала про поминки?

Кассандра берет чайник и доликает Шэй чаю. Ее рука слегка дрожит от напряжения, и она быстро прячет ее под стол.

Шэй, похоже, ничего не заметила; она продолжает смаргивать слезы.

– Я пошла к ее дому, чтобы оставить цветок, просто как дань памяти, и заметила объявление...

– Но как ты узнала, где она жила? – перебивает Джейн.

Кассандра слегка касается руки сестры: «Осторожнее».

– От детектива, которая задавала мне вопросы в метро после... Ну, после того, что случилось. В общем, во время нашего последнего разговора она сказала мне имя Аманды, и я разузнала адрес...

При упоминании детектива Джейн делает резкий вдох. Исходя из слов Шэй, у нее было несколько бесед с полицией, плюс недавно она была в участке.

Раньше главным был вопрос: откуда Шэй знала Аманду?

Теперь появился более важный: что Шэй сказала полиции?

Они уже знали, что Шэй оставила кулон в полиции, потому что серая точка на телефоне Валери оставалась на этом месте даже после того, как Шэй покинула здание. Но ее дальнейшие действия в тот вечер были такими обыденными, что они рассудили: если бы Шэй сообщила полиции информацию исключительной важности – описала события, которые привели к суициду Аманды, – она бы вела себя более настороженно. Не стала бы неторопливо прогуливаться до дома одна. Не сократила бы путь через тихий темный проулок между домами, ни разу не оглянувшись.

Шэй понимает их молчание по-своему.

– Вы злитесь? Простите, что обманула вас. Я не знала, что сказать, когда пришла на поминки.

Джейн качает головой:

– Нет, не злимся. И ни в коей мере тебя не осуждаем.

– Очень мило с твоей стороны было прийти и отдать дань уважения, – добавляет Кассандра.

Выражение лица Шэй становится задумчивым.

– Помню, я подумала – Аманда выглядела как человек, с которым мне хотелось бы подружиться.

Еще больше кусочков встает на место: в дни подработки Шэй идет обедать на скамейку, достает из сумки завернутый в фольгу сэндвич и ест одна. Когда она едет на автобусе на работу или идет в зал, то не разговаривает по телефону – вместо этого она всегда, кажется, погружена в свои мысли. Большую часть вечеров она проводит в своей квартире.

Шэй отчаянно одинока.

Кассандра фиксирует эту ключевую деталь, чтобы обсудить позднее с Джейн, хотя подозревает, что Джейн уже сделала аналогичные выводы; сестры часто думают синхронно.

– Аманда была очень хорошим человеком, – говорит Кассандра. – Вы когда-нибудь разговаривали у ветеринара?

Шэй резко качает головой.

– Нет, вообще-то нет – и моя кошка умерла в прошлом году, так что...

– Ясно, – отвечает Кассандра. – Ну, тебе бы понравилась Аманда, а ты – ей.

Джейн делает глоток чая, прежде чем перенаправить беседу в новое русло.

– Неудивительно, что ты запаниковала, увидев, как та девушка заходит в метро.

– С того дня я не могу ездить на метро. Тяжело даже приблизиться к лестнице... А девушка так напоминала Аманду. – При этих словах лицо Шэй морщится. – Но... Видимо, мне все это показалось.

Кассандра переглядывается с Джейн. Ранее сестры заметили, как глаза Шэй наполнились слезами, когда она смотрела на фотографию Аманды на поминках, а потом видели, как она постоянно переходит на другую сторону улицы, только чтобы избежать спусков в метро. Еще ее заметили выходящей из офиса, который, как позднее выяснилось, принадлежит психотерапевту.

Иллюзия, созданная сестрами, оказала именно такой эффект, на который они надеялись. Сейчас Валери едет домой, чтобы снять парик и каблуки, которые добавили несколько сантиметров к ее росту, смыть профессиональный макияж, благодаря которому ее нос кажется уже, а глаза больше, и снять платье в горошек, купленное в интернет-магазине. За несколько минут Валери преобразится из двойника Аманды в другую тридцатилетнюю женщину – привлекательную, но непримечательную, – которая легко сливается с толпой. Ее выступление закончено. Платье будет храниться в глубине шкафа Валери на случай, если понадобится вновь.

Если бы Шэй ответила на все невысказанные вопросы сестер, они бы подарили ей на прощание покой. Кассандра бы сделала вид, что ей недавно тоже показалось, что она видела Аманду, и она чувствовала себя после этого немного выбитой из колеи. Джейн бы сказала: *«Думаю, людям часто видятся подобное после чьей-либо смерти»*.

Но они этого не делают. Вместо этого Джейн тайком сжимает под столом руку Кассандры. Кассандра понимает сигнал: вопреки надежде сестер эта срежиссированная встреча с Шэй не разрешила всех вопросов, окружающих смерть Аманды. Они не могут просто допить чай и уйти, не оглядываясь.

Шэй по-прежнему настаивает, что впервые встретила Аманду у ветеринара, хотя сестры Мур знают, что это ложь.

Она говорит, что едва знала Аманду. Но каким-то образом у нее оказался ее кулон.

О чем еще лжет Шэй?

Кассандра бросает взгляд на телефон Шэй, лежащий на столе дисплеем вниз. И задается вопросом – какую он хранит информацию?

Стейси смогла бы быстро взломать его; она мастер по установке в телефон шпионских программ, и уже успела это доказать.

То, что Кассандра и Джейн зашли в бутик Дафны вскоре после того, как она отослала сообщение *«Надеюсь, ты сгниешь в аду»* человеку по имени Джеймс Андерс, не было случайностью.

Сестры давно наблюдали за Джеймсом. Отслеживали его. Изучили его расписание и привычки – например, узнали, что по четвергам он чаще всего проводил вечера в баре «Твист». А потом, благодаря шпионской программе, которую Стейси установила однажды вечером на его телефон, когда Джеймс оставил его без присмотра, они смогли читать его сообщения.

Пока они раздумывали, как именно лучше наказать Джеймса, на его телефон и на их компьютеры одновременно пришло то жесткое сообщение с кодом района 917.

Валери интуитивно почувствовала, что оно от женщины, которой навредил Джеймс; сестры знали уже как минимум об одном другом случае, когда он пытался совершить изнасилование.

Стейси отследила номер телефона отправителя и обнаружила, что он связан с бутиком «У Дафны», принадлежащим одинокой женщине тридцати с лишним лет. Вскоре после этого Кассандра и Джейн посетили магазин и завели дружбу с владелицей.

Дафна открылась довольно быстро. И подтвердила подозрения, которые возникли у сестер по поводу ее и Джеймса. Тогда они включили Дафну в свой круг.

Кассандра отрывает взгляд от телефона Шэй. Как жаль, что с ними нет Стейси; это упущенная возможность проникнуть в секреты Шэй, думает Кассандра. Им придется создать новые возможности.

Глава 16

Стейси

Четырнадцать месяцев назад

Масло с шипением упало на сковороду.

Стейси положила между ломтями цельнозернового хлеба три ломтика американского сыра и взглянула на дисплей телефона, вибрировавшего на столешнице со сколотой поверхностью. Пришло сообщение: *«Нужен собачий корм, срочно»*.

Она опустила сэндвич на сковородку и облизнула пальцы, а потом взяла телефон и ответила: *«Через пятнадцать минут»*.

Наркоман, жаждущий свою дозу крэка, подождет. Она не ела ведь день.

Через тонкую стену квартиры было прекрасно слышно, как маленькая дочка соседа подпевает тоненьким голосом песне из фильма «Идеальный голос» и ритмично чем-то звенит: *«Когда я уйду, когда я уйду... Ты будешь скучать, когда я уйду...»*

– Хватит колотить ложками, – крикнула на девочку мать.

Стейси перевернула сэндвич. Нижняя часть была золотисто-коричневой, и сыр начал вытекать. В животе заурчало. Она достала из шкафа пластиковый стаканчик, украшенный логотипом «Филадельфийских орлов». Ее парень, Адам, хранил пламенную верность команде из их родного города, хотя они жили в Бронксе уже несколько лет. Стейси до краев наполнила стакан «Пепси».

Завтра суббота, день посещений в тюрьме. А это означает двухчасовую поездку на автобусе туда и обратно, с теми же измотанными на вид женами, детьми и подружками, которых она видела каждый месяц. У них с Адамом будет час, они будут держаться за руки через стол под зоркими взглядами охраны.

– У меня есть билет, чтобы объехать весь свет... – пела маленькая девочка.

– Я велела тебе заткнуться, – приказала мать, но без ярости в голосе – во всяком случае, по сравнению с предыдущими разами, когда Стейси ее слышала. Стейси периодически видела синяки на девочке, которой было около восьми. Однажды у малышки даже был на руке гипс. Стейси пыталась ее об этом расспросить, но ребенок убежал прочь, словно испуганная мышка.

– Ты сказала мне только прекратить стучать. Ты не говорила, что нельзя петь, – ответила девочка.

Стейси надавила на сэндвич лопаткой.

Наркоман снова отправил сообщение на телефон Адама: *«Долго еще? Моя собака хочет есть»*.

На время отсутствия Адама она занималась его клиентами, не расширяя бизнеса, но зарабатывая достаточно, чтобы оплачивать аренду до момента, пока не найдет нормальную работу. Она заполнила десятки заявлений. Но у человека вроде нее – бросившей школу, ставшей изгоем в собственной благополучной и состоятельной семье, с ничем не примечательной внешностью – было не слишком много возможностей.

Она сделала большой глоток пепси и посмотрела на стену. У соседей стало тихо. Даже музыка смолкла.

Она выкладывала сэндвич на тарелку, когда услышала крик.

Стейси закрыла глаза и сжала зубы.

– Я не буду! Не надо! – пропищала маленькая девочка.

Стейси крепче сжала ручку сковородки, когда девочка закричала опять.

Потом высокий, пронзительный крик оборвался.

Его отсутствие оказалось еще более пугающим.

У Стейси по коже побежали мурашки. Она не колебалась. Схватила сковородку, выбежала за дверь и ворвалась в соседнюю квартиру. Уже при входе открывался вид на кухню. Мать с безумным взглядом держала голову дочери в раковине, полной грязной воды и посуды.

– Отвали от нее! – завопила Стейси, замахиваясь сковородой, как бейсбольной битой. Она ударилась о голову матери, и та повалилась на кухонный пол.

Девочка вытащила голову из-под воды, жадно вдохнула воздух и принялась кашлять. Вода стекала по ее лицу на ночную рубашку с принцессой Эльзой.

Стейси подняла сковородку, чтобы нанести новый удар, но девочка умоляла ее остановиться. Поэтому она опустила ее.

Когда она снова огляделась, девочка убежала через открытую дверь, как она, скорее всего, в качестве механизма выживания делала уже множество раз в своей короткой, наполненной насилием жизни.

Стейси вернулась в свою квартиру, оставив мать лежать на полу. Она даже не успела доесть сэндвич, когда к ней в дверь ворвались два офицера в униформе.

Она пыталась объяснить им про девочку, но мать заявила, что Стейси напала на нее и ограбила. И ситуацию вовсе не улучшал пакетик крэка на столешнице, приготовленный для доставки клиенту Адама.

На следующий день она лежала на жесткой лавке, служившей ей кроватью, и глядела в пустоту, когда по решетке камеры постучал охранник и сказал, что у нее посетитель.

Она посмотрела на него с удивлением. Никто не знал, что она там. Она даже не воспользовалась своим правом на один звонок. С Адамом никак не связаться. Отец и две ее нервные, амбициозные сестры не разговаривали с ней уже несколько лет – с тех пор, как она привела Адама, который был под действием наркотиков, на первый день рождения племянника, и тот запустил большую сервировочную ложку в торт и отхватил себе первый кусок. А у ее матери – которая поддерживала с ней контакт втайне от отца – была ранняя стадия Альцгеймера.

На Стейси надели наручники и отвели ее в маленькую камеру, где проходили встречи с посетителями.

За маленьким столом ее ждала незнакомка с короткими, выющимися рыжими волосами.

– Привет, Стейси, я твой государственный защитник, – сказала она с явным бостонским акцентом. – Меня зовут Бет Салливан.

Несмотря на блестящую защиту Стейси, против нее было слишком много свидетельств. Но Бет все равно удалось сократить приговор до четырех месяцев тюрьмы, поскольку в организации Стейси не нашли следов наркотиков – она никогда не употребляла – и прокурору не удалось доказать, что она их действительно продавала.

– Чушь, – сказала Бет, когда судья огласил вердикт. – Ты спасла ребенку жизнь.

Покачивая головой, Бет сказала Стейси, что стала юристом, потому что хотела дать голос людям, у которых его не было. Но вместо этого она видела слишком много виновных людей, отпущенных на свободу, и невиновных, отправленных за решетку. Она хотела отдавать, но в результате кое-что забрали у нее: веру в судебную систему.

– Думаю, вам стоит познакомиться со Стейси, – сказала Бет сестрам Мур на одной из регулярных встреч. С тех пор как Валери познакомила Бет с Кассандрой и Джейн, они начали тесно общаться вчетвером.

Когда Бет привела Кассандру и Джейн знакомиться со Стейси в тюрьму общего режима, им сразу же понравилась маленькая блондинка, чей взгляд постоянно порхал с места на место во время их разговора. Словно Стейси постоянно приходилось быть начеку, словно она призывала быть жертвой.

– Она заслуживает еще одного шанса, – сказала Кассандра Джейн, когда тюремщики увели всех заключенных по завершении часа посещений. – Бет права.

Когда Стейси вышла из тюрьмы, то ожидала, что будет вести жалкое существование презренного уголовника – да еще и ее подонок-парень ушел к какой-то девице из группы поддержки заключенных, с которой познакомился в Интернете.

Но вместо этого ее ждала маленькая квартира-студия в районе Алфавет-сити. На кровати лежало мягкое, свежее белье – настоящее наслаждение по сравнению с колючим тюремным. В холодильнике были фрукты, йогурт и хлеб. Кассандра и Джейн, которые еще несколько раз приходили с Бет к Стейси в тюрьму, узнали, что она разбирается в компьютерах, и наняли ее в качестве помощницы к себе в офис.

Когда она показала сестрам свое мастерство, они дали ей блестящие рекомендации. Она быстро нашла работу консультанта и настояла на том, чтобы вернуть сестрам каждый потраченный на нее цент. И все равно Стейси считала себя навеки им обязанной.

Она потеряла одну семью, но обрела другую.

Глава 17

Шэй

В среднем женщины утверждают, что у них восемь близких друзей. Согласно исследованиям, в период стресса женщины ищут спасения в этой дружбе. Помимо простой, основанной на адреналине реакции «борись или беги», женщины также вырабатывают «гормон связи», окситоцин. Этот феномен назвали «заботься и дружи».

Книга Данных, страница 18

Сегодня утром в кафе я узнала о Кассандре и Джейн Мур очень многое: от их любимого вкуса чая – жасмин у Кассандры и шиповник у Джейн – до того, как Джейн слегка приподнимает брови, когда слушает, и как элегантно Кассандра жестикулирует тонкими пальцами.

Когда они обняли меня на прощание, Кассандра сказала, что я пока могу оставить себе дождевик, ведь у нее есть зонт.

– Просто напиши мне, и договоримся, – бросила она, после чего сестры направились к проезжей части ловить такси. Машина остановилась буквально через несколько секунд.

По дороге на работу я сидела в автобусе и размышляла – возможно, мне следовало признаться, что у меня никогда не было кошки. Но я хотя бы рассказала, что была рядом с Амандой, когда та прыгнула, и именно поэтому меня так задела ее смерть. Но когда они нашли меня, вцепившуюся в столб при входе в метро, я была в жутком состоянии. Как я могла признаться, что полностью выдумала историю об общем ветеринаре? Меня бы сочли сумасшедшей.

Особенно эти девушки: они не только невероятно привлекательны, но и крайне успешны. Погуглив, я узнала, что они основали свою пиар-фирму, когда им было лет по двадцать пять, и имена некоторых из их клиентов слышала даже я. Кассандре тридцать два, а Джейн – тридцать. Получается, по возрасту я ровно между ними, из-за чего их достижения впечатляют еще сильнее.

Еще я узнала, что на занятиях по йоге, на которые ходит Кассандра, требуется больше физической силы, чем понимания идей дзен-буддизма.

– Из «собаки мордой вниз» переходим в планку, – командует инструктор и подходит, чтобы скорректировать мою позу. На мне легинсы и топ, которые я планировала надеть сегодня вечером на занятие по сайклингу. Но когда, помимо жестянки с коричневыми леденцами, я нашла в кармане дождевика Кассандры абонемент на десять занятий в этой студии йоги, то решила поменять планы.

Когда я позвонила в студию и забронировала место на групповое занятие по аштанге в восемь вечера, то думала, что оно будет несложным и расслабляющим – ровно таким, какое мне нужно после тяжелого нервного утра. Но истинная причина моего пребывания здесь другая.

Кассандра и Джейн – сильные, уверенные в себе, привлекательные. Чего нельзя сказать обо мне.

Думаю, мне просто захотелось ненадолго представить себя на их месте.

Провожу языком по зубам и по-прежнему чувствую легкий привкус корицы. Жестянка была почти полной, и я знала, что Кассандра не заметит, если я съем одну.

– Давайте приготовимся к Шавасане, – говорит инструктор.

Бросаю взгляд на соседку, чтобы подсмотреть позу, и ложусь на спину ладонями вверх.

– Сегодняшнее слово – *благодарность*. Наполните разум чем-то или кем-то, за что или кого вы благодарны, – продолжает инструктор. Он четыре раза звонит в колокольчик, и вокруг разносится ясный, тонкий звук.

«Кассандра и Джейн», – сразу думаю я. Если бы сегодня утром они не появились волшебным образом возле метро, я не знаю, что бы случилось. Я чувствовала, будто рассыпаюсь на мелкие осколки, а они снова собрали меня воедино.

Я прекрасно понимаю, что таким востребованным и особенным девушкам, как Кассандра и Джейн, не нужны подруги вроде меня. Но все равно вспоминаю, как это слово прозвучало из уст Кассандры, когда она попросила официантку посадить нас в отдельную кабинку.

Даже их имена звучат, как мантры.

Закрываю глаза и чувствую, как растекаюсь по коврику.

Когда инструктор снова звонит в колокольчик, я медленно встаю и направляюсь к шкафчику, чтобы забрать вещи, в том числе дождевик Кассандры. Сегодня он дарил мне тепло, но я знаю, что оставить себе его нельзя, как и общество Кассандры и Джейн.

Достаю телефон и медленно набираю сообщение: *«Хочу еще раз поблагодарить вас с Джейн за сегодня. Завезу тебе дождевик завтра, если удобно».*

Я смотрю на телефон как минимум минуту, но ответа нет.

Домой я возвращаюсь примерно в половине десятого. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и одновременно ищу в сумке ключи. Прежде чем я успеваю отпереть дверь, ее открывает Шон.

От удивления я делаю шаг назад.

– Ой, ты уходишь?

– Вообще-то, нет. Я ждал тебя. – Он прочищает горло. – Есть минутка поговорить?

– Конечно.

Он отводит глаза. Его речь формальнее, чем обычно. Похоже, он не знает, куда деть руки; и в конце концов складывает их перед собой.

Верные признаки плохих новостей.

– Хочешь пива? Я как раз собиралась открыть баночку.

На самом деле, нет, но я вытаскиваю две банки «Блю Мун», что купила недавно, а Шон нарезает брошенный ему апельсин.

– Так в чем дело?

Он подходит и садится рядом на диван. Я чувствую, как колотится мое сердце.

Но когда Шон наконец рассказывает, в чем дело, я заставляю себя улыбнуться. И даже обнимаю его.

– Не проблема. Я поняла. И очень за тебя рада.

Шон предлагает посмотреть вместе фильм, сидя на диване, как в старые добрые времена.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Я не ужинала, так что выбери что-нибудь, а я пойду куплю еды.

Едва зайдя за угол дома, я прижимаюсь к стене, закрыв лицо руками.

Договор аренды Джоди заканчивается в следующем месяце. Они хотят съехаться. *Прости. Знаю, в последнее время тебе приходится нелегко из-за работы и всего остального,* – сказал Шон. – *Мы можем подыскать другую квартиру...*

Но я сказала ему, что съеду. *Ты жил здесь изначально. Это правда твое место.*

Можешь не торопиться, – ответил он.

Ни работы. Ни отношений. Ни дома.

Я долго стою на месте, не зная, что делать, судорожно вдыхая воздух.

А потом слышу звонок – ясный, тихий звук, напоминающий колокольчик с занятия по йоге.

Лезу в сумку и достаю телефон. На экране новое сообщение: *«Конечно, можешь завезти дождевик. Или, если хочешь, можем сходить в этот четверг куда-нибудь выпить втроем, тогда и отдашь? Целую, К».*

Я перечитываю сообщение дважды. Потом выпрямляюсь и отталкиваюсь от стены.

Заставляю себя подождать еще тридцать секунд, а потом набираю: «*С удовольствием схожу с вами!*»

Дыхание становится ровнее, и отчаяние отступает.

По дороге в магазин за попкорном для микроволновки я задаюсь вопросом, почему им вообще интересно проводить со мной время. Но потом напоминаю себе, что Аманда не была на вид такой же эффектной, как Кассандра и Джейн, но они были близкими подругами.

Тогда, возможно, в мире Кассандры и Джейн *есть* для меня место.

Глава 18

Шэй

Обычно нам нравятся люди, которые кажутся нам похожими на нас.

И чем меньше у нас информации о человеке, тем сильнее это сходство влияет на наше одобрение.

Книга Данных, страница 19

Я провела все утро и некоторую часть дня в поисках квартиры-студии в Интернете, и даже парочку посмотрела. В первой были мышеловки в обветшалом вестибюле и лужа воды под холодильником. Вторая – в описании говорилось «причудливая» – оказалась такой маленькой, что туда из мебели влезли бы только моя двойная кровать и шкаф.

Я была бы совершенно деморализована и встревожена, если бы не предстоящая встреча с Кассандрой и Джейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.